

Гранстрем Э.

ДВА ГЕРОЯ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Эдуард Гранстрем

Два героя

«Public Domain»

1893

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Гранстрем Э. А.

Два героя / Э. А. Гранстрем — «Public Domain»,
1893 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00209-8

Эдуард Андреевич Гранстрем (1843–1918) – издатель, писатель, переводчик; автор многих книг для юношества. В частности, приключенческая повесть «Елена-Робинзон» была очень любима детьми и выдержала несколько переизданий, как и известная «почемучкина книжка» для девочек «Любочкины отчего и оттого». Широкую известность в России приобрели его книги «Столетие открытий в биографиях замечательных мореплавателей и завоевателей XV–XVI вв.» (1893), «Вдоль полярных окраин России» (1885). Гранстрем был замечательным переводчиком. Наиболее значительной его работой в этой области является перевод финского эпоса «Калевала», а также «Сказок профессора Топелиуса». В данном томе публикуется роман «Два героя», в котором рассказывается об открытии Колумбом Нового Света, а также о его жестоких «наследниках» – испанских конкистадорах, огнем и мечом вписавших свои имена в историю Великих географических открытий. Одним из таких был Фернандес Кортес, покоривший Мексику и ради наживы разоривший древнейшую культуру инков.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00209-8

© Гранстрем Э. А., 1893

© Public Domain, 1893

Содержание

В Новом свете	6
В монастыре Ла-Рабида	6
Мореплаватель	9
Рождество Христово за океаном	13
На золотых приисках	21
Арендатор	25
Любопытный гость	29
Бегство невольницы	32
Реквизиция	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдуард Андреевич Гранстрем

Два героя

В Новом свете

В монастыре Ла-Рабида

Близ знаменитого порта Палос на голом утесе стоит францисканский монастырь Ла-Рабида. В настоящее время дорога к нему извивается среди развалин и тернового кустарника. Но сердце путника, который впервые проходит по этой дороге, невольно забьется сильнее, и он, глубоко взволнованный, остановится перед воздвигнутым здесь каменным крестом. В то же время он мысленно перенесется на несколько столетий назад, и взор его устремится в необъятную равнину океана, скрывавшую от него Новый Свет, который связан с этим местом великими воспоминаниями.

В 1491 году по этой дороге шел рыжеволосый путник со своим маленьким сыном. Он был глубоко удручен, потому что в течение всей своей жизни испытывал только одни разочарования. В голове его роились смелые гордые замыслы, обещавшие властителям мира несметные сокровища, а ему – бессмертную славу. Он был убежден, что не ошибается в своих предположениях. Но напрасно обращался он к королям и владетельным князьям – их придворные отстраняли его. Они надменно смеялись над его планами, считая их пустым несбыточным бредом. Как мог разубедить этих аристократов простой итальянский моряк, Христофор Колумб из Генуи! Кому был он известен в 1491 году? Потеряв всякую надежду, он покинул Испанию, чтобы попытать счастья в другой стране, и без средств шел пешком из Рио-Тинто в Гуэльву с целью сесть там на корабль.

Его сопровождал маленький сын Диего, только увеличивая заботы отца, потому что путник был беден, а гордость не позволяла ему просить милостыню.

Случайно взгляд его остановился на монастыре, монахи которого славились своей благотворительностью. И вот, в том самом месте, где теперь находится каменный крест, Колумб, преодолев свою гордость, решился протянуть руку и просить кусок хлеба для себя и своего сына, и здесь ему не было отказано в помощи. Настоятель монастыря патер Хуан Перец де Маркена оценил планы человека, которому суждено было открыть Новый Свет. В этом-то монастыре 15 марта 1493 года и начинается наш рассказ.

Патер Хуан стоял у окна своей высокой кельи и задумчиво смотрел в бесконечную даль синего моря; в душе его происходила тяжелая борьба.

Молодой Яго, чернокудрый юноша, единственный сын его покойного брата, сильно озабочивал его. Впечатлительный юноша был одарен прекрасными способностями и занимался прилежно, но вместе с тем жаждал славы и подвигов. До сих пор он жил в соседнем монастыре, занимаясь науками под руководством настоятеля; но стены монастыря сделались для него тесны, его тянуло на волю, к студентам города Саламанки. Патер Хуан хорошо знал тот город с его узкими мрачными улицами. Знал также университет, основанный еще в 1222 году и в то время лучший из всех других учебных заведений; в стенах его тысячи студентов черпали познания. Но ему были также хорошо известны соблазны и искушения, ожидавшие там молодого неопытного юношу. Взгляд патера блуждал по необъятному морю... Как спокойно оно сегодня! Какое множество кораблей бороздит его тихие воды, но пройдет несколько часов – и картина может быстро измениться!.. Ураган бешено взроет океан, поднимутся гигантские волны, и гордые корабли, подобно ореховым скорлупам, сделаются игрушкой разнузданной

стихии... В этой неравной борьбе человеку остается только возложить все упование на Бога. Вот и жизнь человека то же, что и море! Сегодня она спокойна и манит вдаль, а завтра полна бурь и опасностей...

Так размышлял патер Хуан. Он хотел предостеречь юного Яго, и если бы тот стал настаивать на своем намерении, по крайней мере, дать ему несколько полезных советов, которыегодились бы ему при его вступлении в свет.

Стук в дверь прервал его размышления. В комнату вошел человек лет тридцати, сильно взволнованный.

– А, это вы, Гарция Гернандес? Что с вами? Вы так взволнованы? Что вас привело ко мне?

Гарция Гернандес, живший в Палосе, был ученый: медик, физик, космограф. Его необыкновенная энергия и глубокие познания были всецело направлены на изучение природы; но особенно интересовали его те отдаленные страны, о которых существовали одни лишь смутные сведения.

Обыкновенно сдержанный и спокойный, он был сильно взволнован и, едва переведя дух от скорой ходьбы, наконец проговорил:

– Отец Хуан, помните ли вы того человека, который два года назад приходил в монастырь, того рыжеволосого, которого мы еще рекомендовали королеве Изабелле?

– Христофор Колумб! – как бы что-то припоминая, медленно произнес патер. – Разве его можно забыть? Это необыкновенный человек, в глазах его светится гений! Счастлив тот, кому раз пришлось встретить такого человека. Блажен, кого Господь сподобит быть полезным избраннику человечества! Волей Божьей мы были призваны доставить Христофору Колумбу средства для его путешествия. У него была великая благочестивая цель: он обещал добыть средства для нового крестового похода для освобождения Святой земли и гроба Спасителя Нашего от владычества сарацин. Как часто, стоя у этого окна, я мысленно уносился далеко за пределы горизонта! Я был душой с ним, на его корабле! Как часто сердце мое дрожало за него, когда поднимались буря и туманы!.. Да, Колумб решился на отважное дело! Что значат в сравнении с ним предприятия португальцев, которые медленно, шаг за шагом пробираются по берегам Африки? Колумб предпринял поистине геройское путешествие! Но нередко находили на меня и сомнения... Однако лицо ваше сияет радостью... Нет ли о нем известий? Не воротился ли он?

– Удивительные вести привезли нам купцы из Севильи, отец Хуан! Один из капитанов Колумба, Алонсо Пинсон, вы его знаете, уже высадился в Галиции, на северо-западе Испании, и послал королю донесения о новооткрытых странах. Самого Колумба противные ветры вынудили пристать к Лиссабону. Завистливые португальцы хотели было взять его в плен, но охранная грамота нашего короля Кастилии и Леона внушила им должное уважение к нему. Каждую минуту нужно ожидать Колумба в Палосе. И сколько чудес он везет с собой!.. Краснокожих людей, разноцветных птиц, ценные пряности, плоды, каких мы никогда не видели, и золото, отец Хуан, массу чистого самородного золота!

– Слава Царю Небесному! – воскликнул приор, творя крестное знамение. – Значит, смелое предприятие удалось и морской путь в богатую Индию найден!

– Теперь вы все знаете, отец Хуан! – торопливо проговорил Гарция Гернандес. – А я спешу. Я сяду на берегу морском и уйду отсюда только тогда, когда пожму руку Колумбу. Весь народ в волнении! И я должен приветствовать его и провести в Божий храм – возблагодарить за покровительство Всемогущего Бога, без которого никакие охранные грамоты государей и никакие пушки в мире не в состоянии защитить нас.

С неммым удивлением слушал молодой Яго этот разговор. Что привело двух ученых в такой восторг?... Красные люди?... Да разве существуют такие люди?... Разноцветные птицы?... Золото, чистое золото и пряности из сказочной Индии!.. Они задумывают новый крестовый поход: отец Хуан несомненно говорил об этом. Все это было неразрешимой загадкой для

юноши. Машинально пошел он за патером и Гарцией Гернандесом, которые шли рядом, оживленно разговаривая. Странно и непонятно было все, что удалось ему услышать из их разговора. Это были отрывки из какой-то совершенно ему незнакомой истории, о которой ему ничего не рассказывали его монастырские наставники. Но все эти чудеса – красных людей и пестрых птиц – он увидит собственными глазами, потому что из Палоса уже доносился теперь звон колоколов. То были радостные звуки: на дальнем горизонте показался белый парус, а вскоре и судно, и в нем узнали «Нину», вышедшую из Палосской гавани 3 августа 1492 года вместе с двумя другими – «Санта-Мария» и «Пинта». Почему же возвращалось теперь только одно судно? Где же адмиральский корабль «Санта-Мария»?... Скоро ему предстояло узнать, что обломки его преданы тлению на берегах новооткрытых островов.

Мореплаватель

Несколько часов спустя молодой Яго стоял рядом со своим дядей и смотрел на знаменитого человека, которого торжественно встречали все жители города. В нем не было ничего южного, и уже этим одним он резко выделялся среди своих спутников. Долгое морское странствование не могло согнуть его высокий сильный стан; сознание выигранной трудной победы заставляло его держаться гордо и прямо, оно ясно светилось в его светло-голубых глазах и на его загорелом, покрытом веснушками лице. Знаменитый мореплаватель казался старше своих лет; тяжкие заботы вплели в его рыжеватые волосы многочисленные белые пряди, Яго де Маркена не мог оторвать глаз от героя, к которому все окружающие относились с благоговением. Какая-то непреодолимая сила влекла его к этому человеку, и он шел за ним в торжественной процессии с опущенной головой, шел как слуга за своим господином, не отдавая себе отчета, почему он внезапно всем своим сердцем привязался к чужестранцу. Его привлекало могущество гения, и к своему удивлению, он едва взглянул на медно-красных индейцев в их национальных украшениях. Он не обращал внимания ни на редких попугаев, сидевших на длинных тростниках, ни на пряности, которые несли в открытых ящиках. Золото не возбуждало в нем изумления. Велик и достоин удивления казался ему в это мгновение только человек, совершивший дело, казавшееся невозможным для всех его предшественников.

Юноша не посмел вмешаться в разговор адмирала с патером Хуаном и Гарцией Гернандесом. Он терпеливо ждал перед дверями, пока Колумб не появился снова, и был счастлив уже тем, что по крайней мере еще раз увидел его.

Колумб недолго оставался в Палосе. Он спешил в Барселону, где тогда находился королевский двор. С триумфом ехал он по всей Испании и с триумфом, при колокольном звоне, вступил в Барселону. Когда он в сопровождении многочисленных рыцарей появился в зале королевского дворца, король и королева «приняли его со всевозможными знаками внимания, воздали ему величайшие почести и позволили ему публично сидеть перед собой, что считалось первейшею и величайшею милостью» – так рассказывает об этом один из писателей того времени. Молва о великом открытии и путешествии Колумба пронеслась по всей Испании и по всему христианскому миру. В это время адмирал снаряжал уже новый флот.

Яго оставался все это время в Палосе. Он полюбил уединение, сделался чрезвычайно тих и все думал о том, что он слышал и чего не мог хорошенько объяснить себе. Прежде он любил в свободные часы ходить в дом физика и космографа Гарции Гернандеса, но не для того, чтобы поучиться у него. Там жила с матерью младшая сестра ученого, Мерседес, которая ему очень нравилась; по возвращении из Саламанки он намерен был жениться на ней, но пока молодые люди хранили это в тайне.

Теперь Яго посещал дом Гернандеса еще чаще, но выбирал те часы, когда наверное мог застать самого Гарция. Он почти все время находился при нем, сопровождал его на прогулках и расспрашивал его обо всем, что касалось Колумба. Гернандесу нравилась любознательность юноши, и он познакомил его со всеми географическими знаниями того времени.

Знания эти были ничтожны в сравнении с современными. Но они также весьма отличались от тех, которые Яго усвоил в монастыре у своих старых учителей. В исходе XV века в науке сделаны были новые открытия, появились новые идеи, но они были известны немногим, потому что несколько столетий назад книги распространялись не так легко и скоро, как теперь. А Яго учили по-старому: Европа, Азия и Африка были для него единственными населенными странами, на крайнем севере земля была необитаема по причине сильной стужи, точно так же и юг был необитаем вследствие сильного зноя. Ему говорили, правда, что, по мнению некоторых ученых, земля – шар, но тут же прибавляли, что это еще не доказано. Каким образом люди,

подобно мухам на потолке, могли бы ходить на противоположной половине земли головами вниз и ногами вверх!

Рассказы Гернандеса значительно расширили умственный кругозор Яго. Он узнал, что земля несомненно шарообразна. Гарция рассказал ему о далеких странах, открытых знаменитыми путешественниками. Мир не оканчивался за Турцией; следуя далее на восток, можно было достигнуть страны чудес – Индии, откуда через Турцию привозят в Европу драгоценные пряности; за Индией, на восточной оконечности Азии, лежит царство Китай, а далее, на острове Чипанго, оба эти государства, по словам Марко Поло, посетившего их в XIII веке, населены необыкновенно густо и изобилуют превосходными и дорогими произведениями. Если бы найти путь туда не через враждебные христианам страны, произведения эти стали бы доступнее и дешевле. Португальцы первые напали на эту мысль, они старались обогнуть Африку и этим путем достигнуть Индийского океана.

– Мы находимся здесь, на западной окраине обитаемого мира, – говорил Гернандес, – а те богатые страны лежат на восточной. Можно попасть туда, объехав Африку, но есть еще и другой путь. Представь себе, что яблоко – это земной шар. Наметим на нем ножом наши берега, а здесь – восточные страны, Китай и Чипанго. Ты теперь сейчас же видишь, что от того места, где лежит наша гавань Палос, есть еще другая дорога в эти страны. Не правда ли – прямая дорога? Потому что, если мы из Палоса поплывем все прямо на запад, то будем мало-помалу огибать земной шар и должны в конце концов приехать к восточному берегу материка Азии. И дорога эта не так длинна, она короче, чем кругом Африки.

Так говорил Гарция Гернандес своему любознательному ученику, хотя и сам учитель не был свободен от заблуждений, считая земной шар гораздо меньшим, чем он есть на самом деле. На этой земле, которую считали на целую треть меньше, не было места для новой части света; Азия и Европа казались не так далеки друг от друга в западном направлении, и опасность подобного путешествия представлялась значительно меньшей.

– Вот этот-то план, – прибавил Гарция Гернандес, – и выполнил Колумб. Но не один он придумал его. Я видел в его руках письмо от флорентийского ученого, физика Тосканелли, в котором план этот подробно разработан и точно рассчитано, даже в милях, расстояние западного берега Европы от восточного берега Азии. Тем не менее нашему Колумбу принадлежит бессмертная слава, потому что составить такой план на бумаге далеко не то, что привести его в исполнение. Не так-то легко выйти в необозримый океан и целых три недели не видеть ничего, кроме неба и воды. Принадлежат ли открытые адмиралом прекрасные острова действительно к Китаю и Чипанго, – продолжал задумчиво Гарция, – решить теперь, наверное, еще нельзя. Древние географы, как, например, грек Эратосфен из Афин, первый измеривший земной шар, и римлянин Страбон, думали, что в океане могут быть еще другие обитатели, части света и острова. Видишь ли, мой юный друг, великое путешествие Колумба есть только начало целого ряда других славных путешествий. Острова богаты золотом, и это привлечет туда многих, но настоящий исследователь не заботится о золоте, он стремится раскрыть тайны земного шара, он желает знать, что за этими островами, – действительно ли царства Китай и Чипанго или же новые страны, о которых мы до настоящего времени ничего не знаем? Все это покажет будущее. Если ты так интересуешься всем этим, то охотно прочтешь письмо, которое написал Колумб королю о своем путешествии. Я могу тебе дать его. Читай и удивляйся.

Яго расположился в беседке сада, развернул письмо, представлявшее собой нечто вроде дневника, и перед ним впервые развернулась во всей своей целостности история первого плавания Колумба.

Великий мореплаватель рассказывал сначала о своем намерении отмечать все происшествя, начертить новую морскую карту и приучить себя к лишению сна, чтобы зорко следить за направлением судна. Далее Яго читал о плавании к Канарским островам и выходе в неизвестный океан. Далеко на западе географы того времени предполагали существование острова

Антилии, куда будто бы испанские христиане в 734 году бежали от преследований мавров. Колумб тоже верил в это, но главной целью его была Индия, и он не позволял себе увлекаться второстепенными планами. В течение тридцати четырех дней он видел перед собой только небо и воду. Сколько испытаний, сколько борьбы со своим экипажем должен был он вынести за это время! Нередко его тревожили обманчивые крики: «Земля, земля!», пока наконец флотилия не достигла Гвангани, небольшого острова, которому Колумб дал название «Сан-Сальвадор». Да, Яго читал и изумлялся. Адмирал говорил о людях не белых и не черных, о собаках, не умеющих лаять; потом о плавании с одного острова на другой, пока наконец, как думал Колумб, он не достиг на острове Куба материка Азии, а в Эспаньоле или Гаити – Чипанго или Японии! Заблуждения, которые должны были обнаружиться лишь много позже.

Яго был очарован этим донесением. Ему казалось, что он вместе с Колумбом на Кубе. «Запах цветов и деревьев, – читал он, – прекрасен. Всю ночь слышно пение птиц, щебетание ласточек и трескотня насекомых. Воздух ночью ни холоден, ни душен и полон благоуханий». Со страстным увлечением следил Яго за двумя испанцами, отважившимися проникнуть в глубь Кубы. Они встречали множество мужчин и женщин, которые несли в руках тлевшие с одного конца сухие благоухающие листья, свернутые в маленькие трубочки, другой конец которых брали в рот и вдыхали в себя дым. «Это их усыпляет и опьяняет, – писал Колумб, – и, очевидно, они таким образом предохраняют себя от утомления. Они называют эти маленькие трубочки „табакос“».

Далее рассказывалось о золотых украшениях туземцев, зародивших в Колумбе желание отыскать золотоносные рудники, о дне Рождества Христова, впервые отпразднованном христианами в Новом Свете, о страшной буре и крушении «Санта-Марии», об основании на Эспаньоле первой колонии Навидад, то есть «Рождества Христова», и, наконец, о возвращении на родину по бурному океану.

С возрастающим любопытством прочитал Яго письмо. Он был так очарован, что им овладело непреодолимое желание ехать в Навидад. Он был сын своего времени, он не стремился «в Америку», потому что человечество не знало этой части света, хотя она и была уже открыта, он рвался в Китай и Японию, за которые Колумб принял острова Кубу и Гаити.

И вот в нем созрело решение. Вмиг забыты были Саламанка и университет. Когда в беседке появилась черноволосая головка Мерседес, он тотчас рассказал ей о своем намерении. Напрасно она отговаривала его, жалела, что он, такой молодой, идет на верную гибель, плакала даже. Но могли ли слезы тронуть страстного поклонника великого Колумба. Он остался непреклонен в своем намерении, он говорил: «Я должен». Исполнение плана зависело, однако, не от него одного. Опекун его, патер Хуан, имел право сказать и свое слово. Это отлично знал юный мечтатель и потому решил обратиться за помощью к Гарции Гернандесу. В Палосе с гордостью ожидали предстоящего путешествия Колумба. Друзья великого мореплавателя считали великое открытие его также и своим делом, потому что они рекомендовали Колумба королеве Изабелле и тем доставили ему средства для его первого путешествия. Осуществление мечтаний Яго де Маркена не встретило поэтому никаких особенных затруднений. Ему было уже восемнадцать лет, а в Испании люди мужают быстрее, чем на севере, он был здоров и силен, и приор дал свое согласие. Колумб, конечно, не откажется оказать услугу племяннику за услугу дяди – приор был в этом уверен, и Яго оставалось только с радостным сердцем собраться в путь и лететь в Кадикс, чтобы присоединиться к большому флоту.

Колумб располагал теперь большим флотом. Четырнадцать каравелл и три больших корабля с одной тысячей двумястами пешими и конными воинами были отданы в его распоряжение.

Теперь дело шло о покорении новооткрытых земель. Первые колонисты были уже в Навидаде, но теперь организовывалось первое правильное переселение. Донесение Колумба было так увлекательно, что в плавании этом приняли участие не одни искатели приключений, но и

представители испанского дворянства. На кораблях везли в новые земли европейских домашних животных, семена полевых растений и овощей, виноградные лозы и прочее.

«Вице-король» намеревался основать колонию на Эспаньоле и затем продолжить плавание. Им овладела гордая мысль: он хотел посетить не только Китай и Японию, но, плывя все на запад, первым совершить кругосветное плавание.

В успехе своего предприятия Колумб не сомневался. Ведь как близко лежит Япония от Испании! Он доказал это своим плаванием, и потому он может открыто сказать, что земной шар далеко не так велик, как утверждали астрономы и космографы! Но он был в заблуждении; он совершил нечто более великое – увеличил землю в знании человечества на целую часть света. Но он не подозревал этого, когда 25 сентября 1493 года флот его в Кадикской бухте снялся с якоря и он вступил в свое второе знаменитое плавание.

Рождество Христово за океаном

Медленно пробиралась флотилия Колумба в лабиринте Малых Антильских островов к Эспаньоле. Наконец 22 ноября моряки достигли этого острова, и с кораблей раздались восторженные крики. Радостью заблестели глаза адмирала: с этим роскошным островом соединял он большие надежды.

«Поселенцы в Навидаде, – думал Колумб, – конечно, не сидели сложа руки, вероятно, они уже завязали сношения с туземцами и променяли оставленные им безделушки на золото. В этой своеобразной стране должны скрываться и другие ценные произведения, о которых колонисты, конечно, узнали». Всеми этими сокровищами Колумб хотел нагрузить часть своих кораблей и отослать в Испанию королю. Тогда он мог бы рассчитывать на новую помощь, а вместе с тем и на быстрое процветание своего вице-королевства. Но до Навидадской гавани было еще далеко, и потому флотилия стала на якорь в гавани Монте-Кристо. По обыкновению, несколько человек отправились за водой, в числе их был и Яго де Маркена. Все, что он увидел здесь, было для него ново: деревья, цветы, птицы – все резко отличалось от того, что он видел на родине. Он сидел на берегу ручья, который вытекал из небольшого леса и с шумом катился в море. Перед ним расстился зеленый луг, простиравшийся до самого морского берега. Но это не была обыкновенная трава: она была выше и прямее.

Над ней порхали пестрые бабочки, с жужжанием летали жуки, и все они как будто торопились, потому что солнце касалось уже края горизонта, а на востоке поднималась луна. Приближалась ночь, призывая одни существа к покою, другие – к жизни. Товарищи Яго собирались уже к боту, чтобы вернуться на корабль. В чужой стране не мешало быть осторожнее, так как на других островах были найдены на берегах несомненные следы людоедства. Поднялся со своего места и Яго, чтобы присоединиться к товарищам. Когда они были уже недалеко от бота и солнце уже скрылось, перед Яго пролетел светящийся жук и опустился на высокий стебель травы. Как зеленоватые фонари, на груди его ярко светились два пятна. Свет этот невозможно и сравнивать со светом нашего Иванова червячка: он был во сто раз сильнее и необыкновенно красив. Яго де Маркена захотелось овладеть этим живым драгоценным светильником, и он осторожно направился к нему. Но жук улетел дальше, и Яго последовал за ним. Вдруг он остановился, пораженный острым трупным запахом, и, пока он старался понять, с какой стороны идет этот запах, слева от него, из высокой травы, поднялась хищная птица. Яго сделал в этом направлении несколько шагов и отпрянул назад: перед ним в траве лежал труп человека. Преодолев страх, он ближе взглянул на него, и крик ужаса вырвался из его груди: ему показалось, что это был труп белого человека. Спутники его, встревоженные его криком, подошли к нему. Но никто из них наверное не мог сказать, был ли то труп белого или индейца – так сильно уже он разложился. Но причина смерти была очевидна: человек был удушен, и веревка обвивала его шею. Все еще стояли в раздумье над загадочным трупом, как вдруг ушедший вперед матрос вскрикнул от изумления: он наткнулся на второй, такой же разложившийся труп человека со связанными ногами.

Между тем темнота усиливалась и оставаться на морском берегу было невозможно. Наши путники поспешили к боту и поплыли к кораблям. Никто не решился высказать своих мыслей, но в глубине души каждый боялся, что то были трупы испанцев и что в Навидаде, находившемся всего в двенадцати милях от гавани Монте-Кристо, случилось несчастье.

Печальная весть быстро разнеслась на адмиральском корабле, вызывая такие же печальные предположения.

- Разве нельзя было узнать – индейцы это или нет? – спрашивали воротившихся.
- Нет! – был короткий ответ.

Сам адмирал был смущен, он отдал приказание, чтобы на следующее утро сильно вооруженный отряд осмотрел берег.

На палубе рядом с Маркеной сидел молодой Алонсо де Хойеда.

– А ведь дело-то неладно, – сказал он.

– Почему? – спросил Маркена.

– Вы видели, что у одного из трупов ноги были связаны; это доказывает, что наших поселенцев победили и взяли в плен.

– Поселенцев? – спросил Маркена. – Но может, то были трупы индейцев?

– Может быть, если бы они находились подальше от Навидада, – возразил Хойеда, – и если бы побережье не было так безлюдно! Отчего индейцы не показываются? Отчего они, по обыкновению, не выплыли на берег? Они нас, конечно, видели. У них совесть не чиста, они боятся нас и потому скрываются.

– Ты прав, Алонсо, – сказал Маркена.

– В самом деле, почему убийцы избегают нас? Только потому, что боятся нашей мести!

– Вы что тут раскаркались? – раздался вдруг около них резкий голос Маргарита, начальника войска. – Я вам запрещаю вести подобные разговоры и смущать людей. Мужества, а не робости ожидал я от дворян Кастилии.

– Позвольте мне сказать одно слово! – воскликнул Хойеда. – Истинное мужество выказывается не в дружеском разговоре, а на поле битвы. Но, если вы приказываете, я должен, конечно, молчать.

– Тише, ради бога, без ссоры! – вмешался Маркена.

– Как без ссоры! – крикнул Маргарит. – Ты забываешь, что перед тобой начальник. Ты не только трус, ты еще дерзок!.. Ссора... О ней не может быть речи! Кто осмелится мне возражать, тот мятежник!

– Маргарит! – раздался вдруг тихий голос адмирала. – Мне нужно с вами поговорить.

Маргарит должен был повиноваться. Адмирал спокойно стал говорить с ним о предстоящей высадке и о различных планах на будущее. Он услышал спор и поспешил примирить своих подчиненных.

– Напыщенный дурак! – говорил между тем Хойеда.

– Но он наш начальник, – заметил Маркена.

– Черт возьми! – возразил Хойеда. – Я не для его удовольствия приехал на этот остров. Один король мне судья!

– Король далеко от нас, – напомнил Маркена своему другу.

– Ты прав, Маркена! Но все-таки не позволю себя оскорблять!

Он ушел, а Маркена скоро заснул крепким сном. В продолжение долгого путешествия он успел привыкнуть к подобным сценам.

Тем временем к Хойеде подошел другой кастилец, Франциск Ролдан.

– Не доверяй этому молокососу, – сказал он Алонсо, ведь он любимец генуэзца, родственника его друга. Сознайся, не лучше ли было бы, если бы король назначил адмиралом и вице-королем испанца, а Колумб мог бы ехать в качестве штурмана. А теперь он, итальянец, наш повелитель, да еще захватил с собой своего брата Диего, который охраняет его, как собака.

Хойеда молчал. Ролдан до некоторой степени был прав. Гордость испанцев страдала от того, что им приходилось подчиняться чужестранцу. Но они забывали, что этому генуэзцу принадлежало открытие стран, в которых теперь они основывали Новую Испанию.

На рассвете следующего дня несколько ботов отчалили от корабля, чтобы осмотреть берег. На одном из них находился сам Колумб в сопровождении Маркены, Хойеды, Маргарита и Ролдана.

Берег был безлюден. Ни один туземец не показывался. Нигде, насколько хватал глаз, не было никаких признаков жилья. Кругом царила зловещая тишина, не нарушаемая даже пением птиц.

Испанцы сошли на берег и направились к найденным накануне трупам, но и теперь, при солнечном свете, узнать их было невозможно. Затем, вытянувшись длинной цепью, отряд начал осмотр берега. Шлемы кастильцев сверкали над травой, и долгое время никто из них не подавал никакого знака.

Адмирал сел под деревом и слушал чарующее пение птички, скрытой от его взоров густой листвой. Еще при первом посещении острова его очаровало пение этой птички, которую он принимал за соловья.

Он так увлекся красотами природы, что на мгновение забыл даже об участии Навидада. Вдруг громкий крик Хойеды: «Сюда, кастильцы!» – прервал его мечтания. Он вскочил и в сопровождении Маркены направился к тому месту, где стоял Хойеда, окруженный остальными испанцами. Когда они подходили к толпе, Маркена услышал, как Хойеда говорил Маргариту:

– Я не каркаю, капитан! Но скажите, пожалуйста, разве у здешних туземцев бывают такие густые бороды? Это, к несчастью, европейская борода: готов держать пари!

– Бывают исключения, – возражал Маргарит.

Колумб и Маркена были уже около трупа, о котором также нельзя было сказать ничего определенного, но Хойеда был прав: у индейцев не бывают густые бороды.

– Но он голый, – заметил один из испанцев.

– Одежда, без сомнения, украшает кого-нибудь из краснокожих! – возразил с иронией Хойеда. – Поверь, мой друг, никого из нас здешние дикари не предадут матери-земле в полном наряде. Нагими, как являемся мы на свет божий, нас, христиан, всегда здесь бросят после смерти на съедение зверям и птицам.

Среди стоявших вокруг солдат послышался ропот. Казалось, и Колумб разделял мнение Хойеды. Он не стал терять времени на дальнейшие поиски, приказал вернуться к кораблям и, снявшись с якоря, направился к Навидаду.

Уже наступала ночь с 27-го на 28 ноября, когда флот приближался к Навидаду. Адмирал знал, что вход в бухту наполнен подводными камнями, и потому предпочел провести ночь в открытом море, приказав только сделать два пушечных выстрела, с целью известить колонию о своем прибытии. Но на берегу все было тихо. Не видно было и сигнальных огней.

Прошли часы томительных ожиданий. Начальники и солдаты смотрели на море, не покажется ли какое-нибудь судно, но надежды их были напрасны. Немногие в эту ночь могли сомкнуть глаз, все с нетерпением ждали наступления дня.

Около Маркены стояли два индейца, которых Колумб возил с собой в Испанию и которые теперь сопровождали его в качестве переводчиков. Их взоры тоже старались проникнуть в темноту ночи, там, на берегу, находились их хижины, там лежала их деревня, в которой властвовал их повелитель Гвакамари. Скоро они увидятся со своими друзьями и родственниками, и сколько новостей, чудес и диковин им порасскажут! Чудеса Старого Света несравненно более поражали детей Нового Света, чем испанцев величавая красота американской природы, города с каменными зданиями, великолепными церквями и высокими башнями, странные животные, лошади, ослы, быки, козы – ничего этого не было на Антильских островах. А люди!.. Всадники, закованные в блестящие латы, производящие гром и молнию!.. Да, этим детям природы было что порассказать своим соплеменникам.

Было еще совсем темно, когда один из индейцев вдруг радостно вскрикнул и указал рукой на море. Маркена невольно взглянул в ту сторону и увидел на зеркальной поверхности океана, отражавшего в себе слабое сияние звезд, быстро приближавшуюся к адмиральскому кораблю индейскую пирогу, в ней ясно можно было различить трех голых людей с пучками перьев на головах.

Все столпились около прибывшей лодки, и матросы бросились помогать индейцам взойти на палубу. Колумб стоял около мачты, совершенно спокойный на вид, хотя сердце его предчувствовало беду. Через несколько минут он узнает об участи колонии! Но почему же только три индейца приехали приветствовать его? Отчего испанцы не поспешили на своих лодках на корабль, чтобы скорее обнять своих братьев и получить известия о далекой дорогой родине? Мысли эти тревожили адмирала, но он старался успокоить себя надеждой, что все обстоит благополучно.

Индейцы поднялись на палубу. Они боязливо взглянули на незнакомых испанцев и обменялись с краснокожими толмачами несколькими словами.

– Что они говорят? Что им нужно? – раздалось из толпы.

– Они желают видеть адмирала! – ответили толмачи.

– Хорошо, поведем их к нему!

И вот три дикаря очутились перед великим мореплавателем. Глаза их пристально смотрели на него, но тщетно – в темноте они не могли разглядеть его лица и потому снова обратились к переводчикам.

– Они просят огня, чтобы видеть, действительно ли это адмирал.

Принесли восковую свечу, и при свете ее индейцы узнали необыкновенного белого со светло-голубыми глазами. Да, это был он, и они приветствовали его. Один из них представился ему, назвавшись двоюродным братом Гвакамари.

– Что белые? – спросили их.

– Им хорошо, – перевел переводчик, – но не всем: одних сразили болезни, другие убиты своими братьями в ссоре или пали в битве против наших врагов. Знаешь, мы очень рады твоему приезду, потому что нам пришлось пережить тяжелые времена. Наши враги, Каонабо и Майрени, вторглись в нашу страну со своими войсками: наша деревня разрушена, наш повелитель Гвакамари ранен. Он желал лично приветствовать тебя, но не мог идти и должен был остаться дома.

Нерадостны были эти вести, не таких ожидали испанцы, но все-таки не все было потешно. Навидад еще существует, и колонисты, конечно, познакомились со страной. Теперь колония быстро заселится, имея в своем распоряжении лошадей и рогатый скот, хлеб и овощи всякого рода.

Между тем наступило утро. Из морских волн поднялось солнце. Лучи его разлились по берегу, но он был по-прежнему безлюден.

Военный отряд испанцев высадился на берег, предводимый Маргаритой; в нем находились и наши знакомцы, Маркена и Хойеда. Испанцы направились к деревне Гвакамари, близ которой лежала колония.

Но какое мрачное зрелище представилось их глазам! Одни только кучи пепла указывали место, где стояли жалкие хижины туземцев. А Навидад? На его месте виднелись одни голые развалины, пустынное, черное пожарище. Укрепление испанцев было частью разрушено, частью сожжено. Но где же оставшиеся в живых? Индейцы одни могли бы поведать эту тайну, но они держались вдали, сторонились испанцев и, казалось, скрывали злое дело, лежавшее у них на совести.

Маргариту разными безделушками, колокольчиками и стеклянными бусами удалось привлечь к себе детей природы. Они подошли к нему и согласились даже отправиться на корабль к адмиралу.

Хорошее обращение с ними развязало им язык.

– Испанцы все умерли! – гласил их ответ. – Каонабо и Майрени всех уничтожили. Гвакамари лежит дома, раненный копьём в ногу.

– Где живет этот Каонабо? – вскричал Хойеда, топнув ногой и хватаясь за рукоятку меча.

– Мы отомстим за кровь испанцев!

Колумб спокойно взглянул на пылкого юношу.

– Не судите так скоро, – заметил он, обращаясь ко всем. – Разве вы убеждены в вине тех кациков? Дайте нам предварительно расспросить и расследовать дело и не пугайте нагих детей этой великолепной страны воинственными выходками. Попытаемся расположить их к себе. Не правда ли, Ролдан, – продолжал он, – ты назначен судьей новой колонии, ты умеешь судить спокойно и беспристрастно. Скажи же, не лучше ли побеждать мирным путем, чем шагать через трупы?

– Слушайтесь адмирала, – сказал Ролдан, низко кланяясь Колумбу. – Он перевез нас невредимыми через бесконечный океан, – мы должны ввериться его мудрости.

Но, отойдя, он стал позади Хойеды и шепнул тому на ухо:

– Он лигуриец! Что значит для него пролитая кровь испанцев!

Колумб сам вышел на берег, чтобы посетить кацика Гвакамари. Его сопровождал врач Канса, а в отряде находился и Маркена.

– Каонабо, Майрени, – бормотал Хойеда, ступая по высокой траве, – все равно, как бы ни назывались все эти негодяи-кацики, все они хищные собаки, шайки убийц, не лучше нечестивых людоедов-караибов на других островах!

– Ты прав, Хойеда, – заметил маленький коренастый испанец по имени Кастанеда, покинувший Испанию вследствие частых столкновений с испанскими законами. – Все они заслуживают смерти. Золотые пластинки слишком драгоценны, чтобы висеть в носках и ушах этих дьяволов. Им место в наших мешках! Следует рвать им уши и отрезать носы!

– Стыдись, Кастанеда, – заметил Маркена, – они такие же люди, как мы.

– Ха, ха, ха! – смеялся Кастанеда. – Какая нежная девица! Стоит ли церемониться с этими дикарями!

Маркена покраснел. «Девица!» Как он осмелился позорить его? Он хотел было ответить, но в это время в передних рядах послышались тревожные крики.

Испанцы очутились перед индейской деревней. Шесть-семь жалких лачуг, построенных из жердей, составляли все поселение. Кругом царила тишина, не видно было ни одного индейца, они убежали при приближении испанцев.

– Обыщем-ка эти свиные хлевы! – сказал Кастанеда. – Они такие же люди, как мы, а не смыслят даже выстроить себе порядочного дома.

Испанцы разбрелись по темным хижинам.

– Негодяи! – раздался внезапно голос Кастанеды. – Вот и улики! Разве это не настоящий мавританский плащ? Смотрите, он даже свернут так, как будто он только что привезен из Кастилии. Украсть-то его они украли, а воспользоваться им не сумели! А вот и чулки! Но они предпочитают бегать босиком... Но что значит этот корабельный якорь? Уж не хотели ли они ставить на нем свои узкие неповоротливые лодки!

– Это береговая находка, – заметил Хойеда, – якорь с первого адмиральского судна «Санта-Мария», погибшего близ этих берегов.

– Стойте! – воскликнул Маркена. – Здесь что-то висит в циновке. Товарищи, это никак окорок!

Он вынул нож и распорол циновку, но тотчас с ужасом отшатнулся назад.

– Что, малютка, испугался! – насмешливо произнес Кастанеда, быстро подходя к нему. – Дайте-ка нам взглянуть, что тут такое. Э!.. Человеческая голова!.. Но она снята не с испанских плеч – это безбородая голова индейца. Должно быть, в этой чудесной лачужке, в этом грандиозном храме был повешен кацик, король этой деревни. Ну, пусть его висит! Ну что, Маркена, нравятся тебе такие похороны?

Захватив с собой найденные вещи убитых в Навидаде колонистов, испанцы вышли. В других хижинах были сделаны такие же находки, а затем отряд двинулся к резиденции Гвакамари.

Такие же бедные лачужки представились и здесь глазам испанцев.

– Нечего сказать, в чудесную страну привел адмирал дворян Кастилии! – сказал Кастанеда, подходя к Хойеде.

– Тише, он ведь вице-король, – иронически заметил Ролдан. – Впрочем, не следует судить раньше времени!.. Может быть, этот король Гвакамари восседает на золотом троне или лежит на кровати из чистого золота.

Колумб вошел в хижину, где находился больной, за ним последовали Ролдан, Хойеда, Маркена и врач Канса.

Хотя кровать индейца и не была из чистого золота, тем не менее она изумила испанцев. Такой висячей кровати они еще не видели. Это была большая сетка из крепко скрученных бумажных веревок, прикрепленная концами к косякам хижины.

– Это любопытно, – заметил Кастанеда, – я с удовольствием сбросил бы оттуда этого молодца, чтобы попробовать, как там спится.

Изумление испанцев было весьма понятно: они здесь впервые видели гамак.

С помощью толмачей адмирал стал расспрашивать Гвакамари об участии переселенцев. Тот сваливал всю вину на Каонабо и Майрени; он сам при этом был ранен камнем в ногу.

– Он обманывает нас, – заметил Хойеда. – Двоюродный брат его рассказывал, что его ранили копьем, а он говорит, что камнем.

– Доктор, – сказал Кастанеда, – вы бы осмотрели рану.

Канса предложил вылечить индейского вождя. В хижине было, однако, слишком темно, чтобы осмотреть поврежденную ногу, и Гвакамари вышел из хижины, опираясь на Колумба.

Нога была перевязана. Канса снял повязку, но тщетно искал он следов какой-нибудь раны, между тем как Гвакамари продолжал жаловаться на нестерпимую боль.

– Он лжет! – вскричал Кастанеда.

– Он виновник гибели Навидада! – воскликнул Хойеда.

– Да что, друзья, – заметил шепотом Ролдан, – ведь то были испанцы, а не лигурийцы.

– Адмирал, – сказал Хойеда, выступая вперед, – доказательство виновности кацика налицо. Его нужно задержать. Кровь наших братьев взывает о мести! Нужно проучить их. Эти дикари должны узнать, что нельзя безнаказанно убивать испанца.

Колумб отрицательно покачал головой.

– Разве деревня его не сожжена и сам он не вынужден скрываться в этой пустыне? Многое говорит против него, но многое и за него. Надо быть справедливым. Когда я в первый раз посетил эту страну и Господь ниспослал мне тяжелые испытания, Гвакамари был мне другом; этого я никогда не забуду. К тому же вы не поняли, о чем я с ним говорил: он жаловался на обиды, причиненные его людям испанцами.

Адмирал замолчал и задумался. Перед его умственным взором развертывалась ясная картина гибели Навидада, его первой колонии. Вместо того чтобы завести с туземцами дружелюбные сношения, испанцы стали обходиться с ними жестоко. Первой жертвой был, несомненно, Гвакамари, которого они вместе с его подданными покорили себе, отняли у них все золото и сделали своими рабами. Он, Гвакамари, вынужден был терпеливо переносить обиды и жестокости испанцев. Они же, ограбив владения его, распространили дальше свои хищнические набеги и напали на владения соседних сильных кациков, но при этом плохо рассчитали свои силы. В Навидаде осталось всего тридцать девять человек испанцев, тогда как отдельные племена кациков могли выставить против них сотни воинов. Понятно, что испанцы в столкновениях с туземцами понесли потери: трупы на берегах Монте-Карло доказывают это. Ободренные успехами, индейцы задумали наконец совершенно освободиться от притеснителей, заключили между собой союз и ночью напали на Навидад. Во время битвы погибло и селение Гвакамари вместе с поселением испанцев. Истребив неприятелей, притесненные вздохнули

свободно. Гвакамари, вероятно, благоразумно оставался лишь безучастным свидетелем этой борьбы. Так думал Колумб и в душе оправдывал поведение Гвакамари.

В то время как сердце Колумба обливалось кровью и он восстанавливал в своем уме короткую, но богатую событиями историю своей первой колонии, Ролдан зло нашепывал своим товарищам:

– Заметьте, друзья: испанцы первые начали раздоры, испанцы виноваты в том, что их убили...

– Подожди, Ролдан, – тихо возразил Кастанеда, – нас скоро командируют в лакеи к господину Гвакамари. Однако он, кажется, не очень-то богат; перья на его голове едва ли что-либо стоят, а за золотые пластинки в ушах не дадут и больше дуката. Да, нечего сказать, хороша страна, куда привел нас генуэзец!

Гвакамари последовал за Колумбом на корабль. Там находилось несколько индейцев, захваченных на Карибских островах. Кацик поговорил с ними на непонятном для испанцев языке, а затем осмотрел лошадей и рогатый скот, привезенный Колумбом из Испании. Эти животные были для него новостью, так как на Антильских островах, кроме собак, крыс и тому подобных, не водилось никаких млекопитающих. Сто лет спустя Эспаньола сделалась настоящим эльдорадо для охотников на буйволов, и эти стада рогатого скота происходили от животных, убежавших от испанских поселенцев и одичавших в саваннах Эспаньолы. Сто лет спустя на том же острове ходили табуны одичавших лошадей и стада вепрей. Это были, так сказать, подарки Старого Света Антильским островам.

Вечером того же дня Гвакамари возвратился в свою деревню, а ночью бежали с корабля индейки, с которыми он говорил. Когда на другой день испанцы высадились на берег, чтобы вытребовать своих пленниц, то не нашли уже никаких следов ни Гвакамари, ни его подданных.

После тщетных поисков усталые испанцы вернулись на свои корабли.

– Как хорошо знает наш адмирал этих дикарей! – говорил язвительно Ролдан. – Еще вчера он намеревался на месте разрушенного Навидада основать город. Я боюсь, как бы нам не умереть здесь с голоду. Запасы наши приходят к концу, а здесь я что-то не видел ни ржи, ни пшеницы. Индейцы готовят себе муку из каких-то корней, едят крыс и рыбу, но ведь такой пищи не переварит кастильский желудок.

Так росло недовольство испанцев уже с первого вступления на благодатный остров Эспаньолу. Большинство их оставило Испанию в полной уверенности набрать здесь без всякого труда побольше золота, с тем чтобы с первым же идущим в Старый Свет кораблем вернуться восвояси. А теперь эта страна, несмотря на всю красоту природы, казалась им бедной с ее пустынными полями и безлюдными, жалкими деревнями.

– Он немножко приврал, – язвил Кастанеда, – нам следовало раньше вспомнить, что хвастовство – ремесло в Генуе.

– И ни разу-то не дошло дело до честной битвы, – жаловался Хойеда. – Эти разбойники, кажется, только и умеют делать ночные набеги.

Все эти речи поражали Маркенау в самое сердце. Он знал от Гарции Гернандеса, что далекие путешествия приносят другую пользу, кроме обманчивого золота, – ими обогащается сокровищница нашего знания. Другие люди, новые виды птиц, неизвестные цветы и деревья разных видов, совершенно отличные от тех, которые растут в Испании! На каждом шагу новые зрелища приковывали взор, везде уму представлялся неиссякаемый источник для размышления. В сердце Маркены звучали слова Эратосфена, переданные ему Гарцией, что под этими широтами земли должна находиться новая часть света и что на ней, как утверждал еще Страбон, должны быть другие животные и растения.

Как часто во время этого путешествия видел он Колумба стоящим в размышлении перед каким-нибудь деревом или кустом: он срывал различные корни и пробовал их на вкус. Колумб искал не одно золото, он старался открыть и другие сокровища природы. Для этого, конечно,

нужно было трудиться в поте лица, а в толпе сопровождавших его кастильских искателей приключений было мало людей, желавших работать.

Отряд, посланный искать Гвакамари, возвратился на корабль. Колумб и сам должен был теперь отказаться от своего плана восстановить Навидад. Местность здесь была сырая и болотистая и потому нездоровая. Не теряя времени, он приказал сняться с якорей и направился дальше вдоль берегов искать более удобного места для новой колонии.

Это короткое плавание было гораздо труднее, чем длинный переезд через океан. Почти каждый день поднимались бури или противные ветры, не позволявшие кораблям идти вперед или пристать к берегу. Три долгих месяца пришлось флоту бороться со стихиями, прежде чем найдено было удобное место для новой колонии, в десяти милях от гавани Монте-Карло.

С горячими благодарственными молитвами вышли испанцы на берег. Чтобы сберечь съестные припасы, им приходилось все время жить впроголодь, многие из них заболели, большинство ослабело. Теперь они жаждали хотя бы индейской пищи, тех свеклообразных корней, которые индейские женщины предлагали для покупки в своих высоких корзинах. Индейцы называли их «агесь» – это были американские бататы. Теперь кастильцы не стремились уже к золоту, а выменивали привезенные с собой вещи исключительно на съестные припасы, – и как они были рады, что дикари обменивались на разные безделушки, даже обломки стекла и фарфора.

Маркена сидел у наскоро разведенного костра, он был голоден, и его трясла лихорадка. К нему подошел Кастанеда, сумевший принять меры, чтобы легче перенести бедствия плавания. Он взглянул на молодого человека и сказал с насмешкой:

– Ну что, красная девица, мы с тобой что-то давно не виделись! Ты был все время на адмиральском корабле... Однако что с тобой, голубчик? Ведь на тебе лица нет! Уж не лучше ли было бы тебе остаться в Кастилии...

Он ушел. Ему нужно было заняться своими делами, и, в то время как другие хлопотали о съестных припасах, Кастанеда выменивал у индейцев золото.

На золотых приисках

С высоких гор, вершины которых виднелись издали, изливался в море поток с чистой, прозрачной водой. При устье его находился город Изабелла. С одной стороны море, а с другой – неприступные горы служили ему такой сильной защитой, что не было необходимости в искусственных укреплениях. С двух других сторон город был окружен таким густым лесом, что даже белка не могла бы пробраться через него, и деревья в нем были так свежи и зелены, что никакой огонь не мог бы воспламенить их. В лесу кипела лихорадочная деятельность, стучали топоры, валялись громадные деревья, переносились бревна для постройки крепких блокгаузов. Предполагалось отвести один из рукавов реки и направить его через город, чтобы можно было устроить на нем мельницы, лесопильные заводы и другие сооружения. Приходили индейцы и дивились всему этому. Их поражал темный блестящий металл, раскалывавший самое твердое дерево. Железо, о котором они не имели понятия, казалось им драгоценнее золота, они умели делать орудия только из камня. В то время как одни из поселенцев строили город, другие устраивали первый в Новом Свете огород и засеивали его всевозможными овощами. Испанцы не могли надивиться поразительной плодородности почвы и мягкости климата: здесь в восемь дней растения поднимались выше, чем в Европе в двадцать. Кое в чем пришлось и разочароваться: главная пища европейцев – хлебные растения – здесь не принималась.

Но ничто не делает человека таким довольным, как упорный труд. Испанцам необходимо работать, это они знали, прежде всего нужно было подумать о том, чтобы было где укрыться, и более тысячи людей деятельно занялись постройкой жилищ.

К несчастью, многие были больны. Вечная весна, царившая на Антильских островах, вредно действовала на нервы. В сырых низинах и болотах развивались лихорадки, повергшие европейцев одного за другим в тяжкую болезнь. Сам адмирал захворал и был так слаб, что в течение трех месяцев не мог взяться за свой дневник.

Юный Маркена ухаживал за ним, насколько хватало сил, и следил за тем, чтобы точно исполнялись все предписания врача. Сам слабый и больной, он не отходил от кровати адмирала, в котором видел не чужестранца, ненавистного лигурийца, а великого мореплавателя.

Между тем управление новой колонией перешло в руки брата Колумба, Диего Колона, и ропот испанцев усилился.

– Я думал, что ты заменишь больного, – говорил Ролдан Маргариту.

– Предпочтение следовало бы отдать главному судье Ролдану, – ответил тот, – но приходится молчать. Вице-королями и властителями здесь могут быть только чужестранцы; для испанцев хорошо и то, если они умрут во славу генуэзцев.

Когда Маркена появлялся среди товарищей, на него смотрели косо.

– Наш неженка не так глуп, как кажется, – говорил Кастанеда, когда они опять оставались наедине. – Малый хитер, он все более и более втирается в доверие адмирала. В один прекрасный день мы, чего доброго, увидим его штатгальтером. Доживем, бог весть, и до этого!

Но наступили лучшие времена. Несмотря на лишения и болезни, город был вскоре построен. Привезенный из Старого Света скот пасся на соседних лугах. Испанцы постепенно привыкали к пище, которую давала им почва островов, а время от времени получали съестные припасы и из запасов, привозимых на кораблях. Соседнее племя индейцев обязано было доставлять белым дань произведениями страны. И дикари охотно повиновались необыкновенным существам, ездившим на столь удивительных больших животных, как лошади. Они удивлялись испанцам и боялись их. Что значили их копья против этих страшных труб, извергавших гром и молнию, против острых клинков из толедской стали! Испанцы привезли с собой и еще кое-что, от чего краснокожие сторонились со страхом, именно собак – не тех маленьких, немых животных, которые водились на острове, а страшных собак, выдрессированных

для преследования людей. Впоследствии в войсках испанских искателей приключений появились такие знаменитые кровавые собаки, которые иногда успевали растерзать больше индейцев, чем все войско испанцев, и которые при разделе получали больше добычи, чем самый храбрый солдат. Уже тогда испанцы привезли в Новый Свет этих соратников, и некоторые непокорные индейцы уже успели испытать силу их острых зубов. На Эспаньоле не водилось хищных животных, и тем ужаснее казались индейцам эти новые противники.

Мало-помалу испанцы освоились с языком дикарей, и патер Бойль мог наконец приступить к трудному делу обращения язычников в христианство. К сожалению, сами завоеватели на деле совсем не исполняли заповедей Христа. В них самих было еще много древнего варварства. Они не освободились еще от влияния мавров, и в Андалузии существовала торговля рабами. И на индейцев испанцы смотрели как на низшие существа, считали себя их неограниченными господами и обращали их в рабов. Это было в обычае того времени, и сам Колумб без колебаний и сомнений отправлял в Испанию живой товар.

Между тем поселенцы собрали сведения, где в окрестностях можно найти золото. Отважный Хойеда предпринял поход во владения Каонабо и вернулся оттуда со слитком золота в палец толщиной – ясным доказательством изобилия этого металла в стране.

Тем временем адмирал получил известие о другой, более богатой золотом стране, которая лежала всего в двадцати испанских милях от города Изабеллы и называлась Чибоа.

Чибоа! Какие воспоминания и предчувствия разбудил звук этого имени в Колумбе! Еще в первое свое путешествие он был твердо убежден, что на Кубе он достиг восточного берега Азии, государства великого хана, и вот теперь он узнал, что богатейшая страна на этом острове называется Чибоа. Название это так похоже на Чипанго, тот богатый золотом остров, который лежит против восточных берегов Азии! Для Колумба не оставалось больше никаких сомнений в том, что он находится на этом острове, и он решил сам идти в Чибоа. Он выбрал для похода лучших людей и с развевающимися знаменами при звуках труб направился внутрь страны.

Они пришли в роскошную страну. Горные местности чередовались с зелеными равнинами. С гор струились быстрые потоки, а вдоль берегов виднелись многочисленные хижины туземцев, вокруг которых цвели роскошные поля, засеянные бататами.

Со страхом и смирением встретили индейцы испанцев, и, когда их спросили о золоте, они указали на пески по берегам потоков.

По разным направлениям высланы были отряды, и солдаты начали с лихорадочной поспешностью рыть и промывать песок. Везде раздавались радостные крики, каждый из промывщиков имел в своих руках маленькие пластинки и зернышки благородного металла. Ободренные первым успехом, испанцы работали в следующие дни с раннего утра и до поздней ночи, а затем заставили работать индейцев.

Стали попадаться даже кусочки величиной с орех, а несколько дней спустя адмирал держал в руке блестящий слиток величиной с гусиной яйцо.

Итак, он не ошибся. Господь действительно привел его на золотоносный остров Чипанго, и в его уме блеснула другая мысль: не открыл ли он загадочную Соломонову страну Офир?

Теперь он мог спокойно вернуться в Изабеллу, отослать в Испанию лишние корабли с образчиками открытых им сокровищ и просить короля о новой помощи, в которой еще очень нуждалась юная колония. Одежду, инструменты, лекарства – все это должно было доставить ей на первых порах старое отечество, даже муку и мясо, так как поселенцы не могли существовать одной пищей туземцев.

Колумб смотрел на свой роскошный Офир и в гордом волнении назвал его Вега-Реаль, то есть Королевской областью. Здесь должен быть основан первый передовой пост испанцев, и в наскоро построенном блокаузе поселился Маргарит с шестьюдесятью солдатами для охраны богатых золотых приисков.

Золото здесь до сего времени было всеобщим достоянием, а теперь, по мнению Колумба, оно принадлежало королю Испании и ему, открывшему эту страну. Он издал закон, по которому каждая треть найденного золота должна была отдаваться в казну Изабеллы. Наблюдать за исполнением этого закона было поручено Маргариту, и испанцы, ослепленные невиданным богатством, исполняли это требование без всякого ропота.

Колумб не был искателем приключений и не гнался за одним только золотом. Его честолюбие шло дальше. Он не хотел лишь для вида носить титул вице-короля, а намеревался обеспечить будущее колонии. В окрестностях Изабеллы уже сделаны были попытки земледелия. В Королевской области почва казалась ему еще плодороднее, а обширные саванны были как бы созданы для скотоводства. Рядом с золотыми приисками он стремился создать здесь сельскохозяйственную станцию.

Колумб перебирал в уме всех своих спутников, переплывших с ним через океан. Кто из них пригоден для выполнения этого плана? Он остановился было на наиболее знатных, но тотчас же оставил эту мысль. Эти люди прибыли в Новый Свет совсем с другими целями – их привлекали несметные богатства. Все они думали только о золоте, о собственном удовольствии и боялись труда. Садоводами и земледельцами они могли бы сделаться и в Испании.

– Смотрите-ка, – говорили они, – лигуриец хочет сделать нас своими слугами.

И вот мысль его остановилась на юном Яго де Маркена. В монастыре, где он воспитывался, его учили также садоводству. Он силен и умеет копать и сажать растения, как никто другой. В огороде, который разводили около Изабеллы, он был самым энергичным работником. Кроме того, Маркена имел еще одно преимущество. Из всех искателей приключений, прибывших с Колумбом в Новый Свет, он чуть ли не один сочувственно относился к индейцам. Когда они работали на полях Изабеллы, он не поднимал на них палки, если работа подвигалась тихо, а только учил их и поощрял за хорошую работу. При этом он ревностно занялся изучением языка туземцев и старался понять их быт и нравы. Он понял глубокую пропасть, разделяющую индейцев от европейцев, и в его глазах индейцы были лишь испорченные дети, которых только воспитанием можно было вывести на настоящую дорогу.

Этот молодой человек казался Колумбу способным извлечь из недр земли другие, более существенные сокровища, чем обманчивый металл. Его даже редко можно было встретить между промывающими золото. Чаще его видели где-нибудь на опушке леса, где он собирал растения, выкапывал корни и расспрашивал индейцев о свойствах своих находок.

Колумб приказал позвать его и поручил ему исполнение задуманного им плана.

Маркена просиял, доверие адмирала ошастливило его, и он почтительно поцеловал руку Колумба.

Таким образом Маркена сделался первым землевладельцем и королевским арендатором в роскошной местности, лежавшей в Королевской области между двумя горными хребтами. Его владение было подчинено непосредственно наместнику адмирала, брату его Диего.

Маркена предоставлено было выбирать себе землю, где он хочет. Его наделили рогатым скотом, земледельческими орудиями, разными семенами, сахарным тростником и виноградом, но рабочих ему не дали. Да и кто из испанцев захотел бы подчиниться молодому человеку! Он сам должен был выбрать себе работников среди индейцев. Скоро он нашел в Королевской области удобное для поселения место у подошвы горы, покрытой густым лесом. Поблизости находилась индейская деревня, поступившая в его владение. Когда из Изабеллы гнали в Королевскую область скот, королевский арендатор Маркена гордо шествовал рядом с ним, мимо приисков и форта Маргарита. Он намеренно удалялся от золотоискателей и поселился в нескольких милях от них. Маркена отказался от охраны солдат, он желал не войну вести с индейцами, а жить с ними в мире.

Золотоискатели не завидовали ему. Отважный Хойеда презрительно усмехнулся ему вслед, а Кастанеда раскланялся с ним, говоря:

– Желаю вам счастья, господин помещик! Но для этого не стоило переплывать океан. Пастухом вы могли бы сделаться и в Испании!

Маркена не обращал внимания на такие речи и подумал: «Когда им, при всем их золоте, придется голодать, они ко мне же придут».

Арендатор

Прошло несколько месяцев. На одном пригорке Королевской области возникла маленькая усадьба с красивым домиком с верандой. На этой веранде однажды вечером сидел Маркена и смотрел на свое небольшое королевство. С северной стороны дома, на которую выходила веранда, росли разноцветные тропические лианы, в то время как на противоположной разрослись и цвели уже первые на Эспаньоле виноградные лозы. Перед верандой виднелись грядки со всевозможными овощами: здесь росла редиска, там зеленела петрушка, а там лепились по частым колышкам, усаженным в землю, огурцы и дыни – дети Европы, чувствовавшие себя прекрасно под тропиками.

Глядя на них, Маркена радовался, но понимал, что одними овощами не накормишь голодного человека. Главные поля его лежали в другом месте, у подножия холма. Там небольшие полоски засеяны рожью, пшеницей и овсом, но принимались плохо. Он не знал еще здешнего климата, ему нужно было сначала ознакомиться здесь с временами года и, соображаясь с ними, делать посевы. Он был убежден, что со временем его попытки увенчаются успехом, а пока приходилось не рассчитывать на ржаной и пшеничный хлеб.

Он не желал, конечно, голодать во время этих опытов, и потому рядом с полями для опытов у него были настоящие хозяйственные поля. На них у него росло то, что здешняя земля производила: бататы и бобы, более вкусные, чем те, которые знала Европа. Маркена имел их большие запасы и гордился тем, что уже теперь мог посылать их испанцам на золотые прииски. По другую сторону холма, на берегу светлой речки, стояли хижины его рабочих, поселившихся тут с женами и детьми. Он переселил их сюда из ближайшей индейской деревни, выбрав лучших и более надежных людей. Сначала они переселялись неохотно, но скоро между ними и их господином отношения наладились. Неподалеку от деревни находилось большое огороженное поле, на котором пасся скот, причинявший Маркене много забот: животные быстро дичали и стремились уйти в широкие степи. Индейцы же, несмотря на все наставления, не умели с ним обращаться. Свиньи, однако, очень радовали его: разведение и откармливание их удавалось как нельзя лучше.

Так или иначе, но наш арендатор был доволен делами рук своих. И вот теперь под вечер он спокойно сидел за стаканом лимонада из лесных фруктов и курил сигару. Да, он курил. Живя на своем передовом посту среди индейцев, он привык курить.

Вдруг хорошо знакомые, но давно уже не слышанные им звуки прервали его мечтания. Кто-то скакал на лошади. Он всмотрелся: из высокой травы саванны показались два всадника, ехавшие со стороны золотых приисков.

Он узнал ехавшего впереди и, обрадовавшись, крикнул:

– Здравствуй, Хойеда!

Но лицо его тотчас омрачилось, когда в другом всаднике он узнал Кастанеду.

– Редкие гости, – говорил он, в то время как прибывшие слезали с лошадей и привязывали их к столбам веранды. – Чем обязан я твоему посещению, Хойеда?

– А ведь ты отлично устроился, Маркена, – сказал он. – Даже цветы есть на веранде. Эти чистые дорожки, прекрасный огород с овощами, а там обширные поля бататов и бобов! Друг мой, с твоим поместьем ты мог прокормить целый полк. Нехорошо только, что ты поселился так далеко от нашего форта. Но шутки в сторону! Мы очень голодны, и недурно бы подкрепиться чем-нибудь.

– Чем могу служить вам? – улыбаясь, спросил Маркена.

– Чем можешь служить? Какой гордый вопрос! Из Изабеллы шлют нам все меньше и меньше, и мы живем только бататами. Адмирал отправился на дальнейшие открытия, а его братец Диего экономничает еще более. Мы голодны и будем довольны даже индейским хлебом.

– Как хлебом индейским! – вмешался Кастанеда. – Это слишком скромно, у него найдется что-нибудь и получше. Разве он не владеет целыми стадами! Для нас можно заколоть и быка.

– Ну, этого я не имею права сделать, – возразил Маркена. – Тебе известно, Кастанеда, что адмирал запретил лов на Эспаньоле. Но подождите, я велю сейчас своей кухарке зажарить утку.

– Жареная утка! – вскричал Хойеда. – Да это роскошь!

– А если вы останетесь у меня и завтра, то в честь вашего приезда мы изжарим молочного поросенка!

Он ушел, гости переглянулись с изумлением.

– Да он тут живет по-княжески! – сказал Хойеда. – Чего доброго, у него найдутся и масло, и молоко.

– Он и табак курит, как индейцы, – заговорил Кастанеда, – и держит кухарок, умеющих жарить уток. О, да это открытие стоит золотоносной мины на Эспаньоле! Нам надо почаще сюда заглядывать, чтобы поесть как следует. Только не нужно говорить ничего о нашем открытии в Чибоа, иначе сюда явится все полчище. Ты ведь знаешь, что они и без того хотели идти сюда и забрать скот.

Между тем Маркена вернулся. На деревянной тарелке он принес несколько блинов и предложил их гостям в качестве закуски.

– Это что за штука? – спросил Хойеда. – А, очень вкусно!

– Это хлеб из кассавы, – объяснил Маркена, – моя главная пища наряду с бататами. Хотите видеть растение, из которого он готовится?

Он провел гостей через весь огород к ряду высоких кустов, листья которых походили на кисти рук. Один куст был наполовину вытасчен из земли. Маркена отрезал ножом кусок корня и показал его гостям.

– Смотрите, – говорил он, – сколько молочного сока в этом корне. Не пробуйте его, он ядовит! Но в этом корне есть мука, которую нужно сначала растереть, несколько раз промыть и выжать, а потом, что останется, высушить на огне, получается прекрасная мука, из которой пекут тот хлеб, что вы ели.

– Великолепно! – воскликнул Кастанеда.

– Да, в этом Новом Свете больше богатств, чем мы думаем, – восторженно сказал Маркена. – Какие деревья я нашел в лесу! Надо будет попросить дона Диего прислать ко мне столяра.

– Вот выдумал! Да ты, брат, тут живешь, как отшельник в пустыне, и не знаешь, что делается на свете, – сказал Хойеда. – В колонии, брат, теперь не до того. Среди индейцев зреет бунт. Они не прочь с Изабеллой распорядиться так же, как с Навидадом. В приисковых округах доходило уже до стычек, и один испанец убит. Нам необходимо предупредить дикарей.

– Как, вы хотите начать войну с ними? – спросил Маркена с беспокойством.

– Этот сброд бунтует, – продолжал Хойеда. – И больше всех собака Каонабо, не получивший еще возмездия за убийство в Навидаде. Скажи, кстати, нет ли тут через Черные горы, за твоим поместьем, дороги к Каонабо, по которой можно было бы проехать верхом.

– Дорога есть, но только на вершине горы она так крута, что о проезде верхом не может быть и речи.

– Мой конь надежный, – самоуверенно сказал Хойеда. – Можешь ты указать мне эту дорогу?

– Охотно. Ты можешь проследить ее по моей карте, а завтра я тебя сведу туда. Только я тебе повторяю, что дорога годится разве для какого-нибудь легендарного скакуна.

– По карте? – спросил Кастанеда. – Разве ты и карты составляешь здесь?

– Да, я намечаю для себя дороги, чтобы не заблудиться в лесу во время своих экскурсий.

– Должно быть, ты ищешь золото? – насмешливо спросил Кастанеда.

Маркена смутился, но тотчас же спокойно ответил:

– Нет, это не цель моих скитаний. Я ищу пряностей и благоухающих деревьев, потому что если мы находимся на границе Индии, то здесь должны расти гвоздика, корица, мускатный орех и сандаловое дерево. Произведения эти могли бы быть не менее золота полезны для Испании.

– Хотел бы я видеть твою карту, – сказал Хойеда, – но теперь стемнело и ты, наверное, скуп насчет света, – продолжал он шутя. – Есть ли у тебя свечи? У нас в форте они все уже вышли.

– У меня есть лампа, которая мне ничего не стоит, – отвечал Маркена.

– Как – лампа? Должно быть, опять что-нибудь чудесное?

– Взгляни на саванны, Хойеда! Видишь ли миллионы искр, светящихся в траве? Это светящиеся жуки. Собери дюжину их, и они будут тебе светить всю ночь.

– Оригинальная мысль! Ты, Маркена, решительно мастер на все руки!

– Ошибаешься, мой друг, я только учусь у дикарей. Это они придумали собирать жуков, класть их в тыкву и таким образом делать себе ночники.

Испанцы вернулись в дом и сели на веранде. Маркена принес тыквенную лампу и свою карту. И в самом деле при зеленоватом свете жуков можно было рассмотреть карту.

– Я знаю местность, – сказал Хойеда. – Это вот горная цепь, отделяющая нас от Каонабо, вот тут лес, здесь текут ручьи. А что значит крест на этом месте?

– Это, – ответил Маркена медленно, как бы что-то обдумывая, – это место, на котором я однажды отдыхал на скале, оттуда прекрасный вид на долину. Этот знак я поставил для себя, он, собственно, ничего не значит.

Кастанеда взглянул на него подозрительно. Тон, которым говорил Маркена, казался ему странным. «Ничего не значит! – думал он. – Разве ставят кресты на карте там, где ничего нет особенного?»

Он взял карту из рук Хойеды с намерением запомнить место, отмеченное крестом. Но Маркена тотчас толкнул, как бы нечаянно, лампу, она упала с веранды, и жуки рассыпались по земле.

– Не порти себе глаза, Кастанеда, – заметил Маркена, беря карту и кладя ее в карман. – Я покажу вам завтра утром дорогу, так будет лучше. Карта спутает вас.

Вечер прошел за жарким из утки, которое хотя и было довольно жестко, но голодным золотоискателям казалось великолепным. Гости говорили о событиях и настроении в Изабелле и в форте.

– Со стороны лигурийца бессовестно требовать от нас третью часть добычи, – говорил Хойеда. – Даже церкви отдают только десятую часть, а король довольствуется одиннадцатой.

– Да, но король богат, а вице-король только еще хочет разбогатеть, – заметил насмешливо Кастанеда. – Только его корыстолюбие не принесет ему пользы. Маргарит не очень-то следит за этим. Он сам собирает, что может, то же делают и другие, а когда с них будет довольно, тогда... тогда они найдут единомышленников, которые, как и они, пожелают вернуться в Испанию. И никто не сможет помешать им! В один прекрасный день они взбунтуются, завладеют кораблем и уедут.

– Это была бы ужасная низость! – вскричал возмущенный Маркена. – Черная неблагодарность перед человеком, который привел нас в эту чудесную страну!

– В Изабелле, где господствуют лихорадки и где разные болезни погубили многих из нас, эта страна не слывет чудесной, – возразил язвительно Кастанеда. – Если хочешь, так иди в Чибоа и Изабеллу проповедовать верность и покорность вице-королю и адмиралу. Мне все равно, сам я ничего не коплю и не думаю провиниться в неблагодарности даже против лигурийца.

– Чего тут спорить, друзья! – вмешался Хойеда. – Уже поздно, а завтра нам предстоит исследовать местность. Пора спать!

Любопытный гость

Утром на следующий день Хойеда и Маркена верхом поехали в горы. Маркена ехал на лошади Кастанеды, потому что у него не было своей. Да и в войске в лошадях чувствовался большой недостаток.

Кастанеда остался в усадьбе. Он долго смотрел вслед всадникам, а когда они скрылись из вида, он вошел в дом и, выслав слугу-индейца, внимательно его осмотрел.

Жилище Маркены состояло из двух комнат. В первой из них стоял грубо сделанный шкаф. Кастанеда открыл его. В нем были полки и ящики. «Зачем ему нужен столяр из Изабеллы? Он сам отличный столяр», – подумал Кастанеда. В шкафу были сложены всевозможные вещи: корни, листья, сушеные плоды. «Аптека», – пробормотал с презрением Кастанеда и направился дальше.

В спальне Маркены стояло нечто, на что он обратил больше внимания. Это был простой деревянный сундук с простым замком, похожий на все сундуки, в которых первые испанцы-поселенцы везли из Испании свои малоценные пожитки. Сундук был теперь заперт на замок. Это, впрочем, не огорчило, но даже обрадовало Кастанеду. Значит, в сундуке было что-нибудь такое, что не все должны были видеть. Такие секреты имели в глазах Кастанеды особую привлекательность, и он очень заинтересовался сундуком.

В окне комнаты стекол не было, их привезли в Америку значительно позже. Окна были закрыты массивными ставнями, и в комнате царил сумрак, так как свет проникал в нее только через полуоткрытую дверь соседней комнаты. Кастанеде нравилась эта темнота, и он с довольной усмешкой сел на сундук. Но он встал, вышел в соседнюю комнату и, затворив входную дверь, посмотрел в окно. Около дома никого не было, несколько индейцев и индеанок работали вдали в поле, а слуга Маркены направлялся к индейской деревне. Кастанеда с довольным видом воротился в спальню. Он сел на пол перед сундуком и обнял его, как будто перед ним было дорогое ему существо. Потом он нагнулся и осмотрел замок. Усмехнувшись от удовольствия, он вытащил из-под складок платья на груди кожаный мешок. Мешок этот был у Кастанеды еще в Испании, но не с золотом, а с более ценным на Эспаньоле металлом – с железом. Он раскрыл мешок и вынул большую связку ключей, которыми можно было отпереть любой замок, особенно на Антильских островах, где у испанских переселенцев были только самые простые замки. Кастанеда давно заметил это.

Он еще раз взглянул на замочную скважину, выбрал ключ и вставил его в отверстие. Ключ был точно отлит к этому замку! И как легко открылся замок! Кастанеда осторожно приподнял крышку и пытливо заглянул в сундук. Наверху лежал плащ. Кастанеда тщательно осмотрел на нем каждую складку, каждую пуговицу, потом медленно поднял и осторожно положил на пол. Затем он заглянул поглубже. Там не было уже порядка; разные вещи: пара сапог, пара чулок, шерстяное полотенце лежали вразброс, Кастанеда не хотел увеличивать беспорядка и запустил свои длинные пальцы, как щупальцы, в глубь сундука.

И минуты через две на лице его отразилась внутренняя тревога. Еще раз пальцы его нащупали что-то в глубине, и желтое лицо кастильца просияло. «Нашел!» – говорили его глаза. Со всеми предосторожностями вытащил он снизу кожаный мешок, открыл его и заглянул внутрь. На лице его появилось необычайное удивление: золото! Он держал в руках настоящее золото! Но это было не такое золото, какое добывалось в Чибоа промывкой речного песка, это было рудное самородное золото, в палец толщиной. Маркена, очевидно, открыл богатые золотые рудники.

Кастанеда дрожал от волнения. Он положил мешочек на пол и опять принялся искать в сундуке, но больше он ничего не нашел.

Дрожащими руками положил он мешочек на прежнее место, разложил поверх всего плащ и, заперев сундук, вышел на веранду.

«А какой он с виду тихоня! – думал Кастанеда. – Он хитрее, чем мы думаем, и у него хорошее чутье. Он нашел золотые руды и молчит. Впрочем, кто знает, какой секретный договор заключен между патером Хуаном де Маркена и Колумбом! Кто знает, какую награду получит этот мальчишка от адмирала. Нам он ничего не говорит, он знает, что мы не дадим адмиралу даже миллионной части нашего золота; так вот этот мальчишка хочет приберечь рудники для лигурийца, а как только тот воротится в Изабеллу, он сообщит ему свою тайну и начнет разрабатывать рудники руками индейцев.

Черт возьми, но где же эти рудники? Господин арендатор шляется всюду в горах, за ним не уследить! Ба! Я знаю. Он сам себя выдал. Крест, крест на карте, вот место приисков! Я должен добыть карту!»

Он сел на веранде и долго думал. Затем, оставшись, по-видимому, доволен своими планами, отправился к индейской деревне и воротился в усадьбу только к обеду, когда оба всадника уже вернулись.

Кастанеда не расспрашивал о карте и едва-едва осведомился о результатах поездки, по-прежнему принявшись за свои обычные шутки над Маркеной, но насмешки его были направлены только на хозяйство Маркены да на отыскивание им кореньев, о золоте он не проронил ни слова.

К вечеру гости стали собираться в обратный путь.

– Ты живешь здесь по-княжески, Маркена, – сказал Кастанеда при прощании. – Не раз вспомню я о твоих мясных блюдах, в особенности когда у меня будет пусто в желудке. Да! Быть помещиком не то что промывателем золота!

– Не мешало бы, Кастанеда, чтобы нашлось побольше охотников для этого дела. В Королевской области найдется место для многих тысяч арендаторов.

– Ты прав, – сказал Кастанеда, вскакивая на коня. – Я подумаю о твоём предложении.

– Прощай, Хойеда! – говорил Маркена храброму рыцарю. – Да хранит тебя Бог! Задуманное тобой дело очень опасно.

– Да, – сказал Хойеда. – Но вспомни, разве адмирал не рисковал жизнью, когда в первый раз переплывал океан?... Я одним ударом восстановлю спокойствие и порядок. Однако нам нужно спешить. Спасибо за гостеприимство, Маркена... Вперед, Кастанеда!

Он дал шпоры своему скакуну и с военным кликом испанцев: «Сан-Яго!» – понесся по саванне.

– Сан-Яго! – промолвил Маркена. – Да защитит тебя Святой Иаков, покровитель Испании!

Он стоял, погруженный в размышления. Завтра по ту сторону гор должны совершиться важные события. Быть может, последствием их будет всеобщая война. Но ближайшее будущее его усадьбы пока обеспечено. Хойеда сам признал дорогу непроезжей. Но полученные Маркеной вести были невеселы. «Зачем притесняют бедных людей, – думал он, – как привольно и мирно жилось бы здесь всем. Наше корыстолюбие все портит. Как счастлива была бы эта страна, если бы ее реки и горы не скрывали в себе проклятого золота. Нет, здесь не откроется ни одного золотого прииска, пока не вернется адмирал!»

Время шло. По вечерам Маркена сидел обыкновенно перед своим домом – смотрел на саванну. Птица пересмешник начала свои трели. Какое чудесное пение! Конечно, соловьиная песня лучше и сильнее врезывается в сердце, но пересмешник – лучший артист среди всех пернатых певцов. Он перенимает напевы всех птиц и из этих песен составляет одно гармоническое целое. Но в эти дни он не очаровал Маркену, мысли которого были заняты его другом, Хойедом. Что с ним? Где он?

Маркена не мог победить своего беспокойства и в сопровождении двух индейцев отправился в Чибоа.

Действительно, дело, предпринятое Алонсо Хойедой, было очень опасно и могло прийти в голову только отважному завоевателю Нового Света. И оно удалось. В Чибоа Маркена узнал все, что случилось.

Индейцы замыслили поголовное истребление христиан, и во главе заговорщиков находился вождь Каонабо. Алонсо де Хойеда сумел устранить этого опасного врага. С несколькими неустрашимыми товарищами отыскал он кацика, пришел к нему как друг и сказал, что хочет оказать ему высшие почести. Он привез ему и видимые знаки этого отличия: блестящие браслеты, к которым были приделаны маленькие колокольчики, особенно нравившиеся индейцам. Уже наполовину плененный этим, вождь согласился сесть на лошадь Хойеды, чтобы с новыми знаками своего высокого сана явиться среди своего народа. Но вместо того чтобы ехать в деревню, Хойеда со своим пленником помчался к морскому берегу. Индейцы же были так испуганы смелым поступком испанского рыцаря и невиданной им лошади, что спохватились слишком поздно освобождать своего повелителя. Благополучно, но полумертвый от голода и усталости приехал Хойеда в Изабеллу, там кацик был посажен в тюрьму и должен был навеки отказаться от мысли увидеть когда-нибудь свою родину. Вождь индейцев умер на пути в Испанию, куда хотел перевезти его Колумб.

Хойеда не вернулся еще из Изабеллы, когда Маркена был в Чибоа. Между тем Маргарит со своими товарищами вел беспутную жизнь. Теперь, когда кацик находился в Изабелле заложником, испанцы стали еще больше притеснять напуганных туземцев. С тяжелым сердцем оставил Маркена форт Маргарита, превратившийся в невольничий рынок. Испанцы продавали друг другу жен и детей индейцев. Но особенно опечалило его то, что некоторые невольники были оставлены для Колумба, который тоже намеревался отправить их в Испанию для продажи, чтобы на вырученные за них деньги построить новый флот. Печальный вернулся Маркена к себе в усадьбу.

Между тем известия обо всем этом дошли до его индейцев, они встретили его боязливо и сдержанно, а некоторые даже побросали свои хижины и бежали в леса. Но Маркена не успокоился до тех пор, пока снова не приобрел доверия индейцев, и, казалось, в Королевской области снова настали хорошие дни. Вдруг в один прекрасный день приехали к нему Хойеда и Кастанеда, последний объявил, что ему надоела беспутная жизнь на золотых приисках, что он намерен, подобно Маркене, сделаться плантатором и говорил уже об этом с самим Колумбом перед отъездом адмирала в Испанию и в скором времени сделается соседом Маркены в Королевской области. Маркена вздрогнул. Он чувствовал, что все с таким трудом сооруженное им здание шатается и рушится. Вторым зловещим известием был для него отъезд адмирала.

– Разве Колумб уже уехал? – спросил он тревожно.

– Да, жаль, что он у тебя не спросил позволения, – ответил насмешливо Кастанеда. – Он очень спешил, ему необходимо было почистить колонию, и он увез с собой в Испанию две сотни беспомощных и больных. Наверно, они порасскажут там много назидательного об этой превосходной стране!

Маркена был очень огорчен. Он хотел говорить с адмиралом, чтобы сообщить ему очень радостную весть, а тот вдруг уехал.

Из-под густых бровей Кастанеды сверкал между тем острый, пронизательный взгляд. Он наслаждался смущением Маркены, зная причину этого смущения.

Бегство невольницы

Несколько недель спустя, на расстоянии каких-нибудь десяти минут ходьбы от усадьбы Маркены, возникла новая плантация, устроенная Кастанедой. До тех пор поселение Маркены называлось просто усадьбой, потому что в Королевской области другой плантации не было. Теперь явилась необходимость в особых названиях.

Маргарит мало беспокоился о предписаниях адмирала. Плантации, по его мнению, лежали в пределах его военной власти, он был начальник форта и губернатор Королевской области. Плантаторы должны были повиноваться ему так же, как солдаты и золотоискатели.

По его предписанию плантаторы должны были доставлять в форт известную часть произведений своих полей. Он наложил на них подати и дал имена обоим имениям. Во внимание к той верности, которую Маркена выказывал по отношению к адмиралу, он назвал его усадьбу Лигурией, а новое имение Кастанеды – Королевский двор.

В эти названия начальник войск вложил злостную мысль. Для большинства испанцев имя лигурийца было ненавистно, и потому они косо смотрели и на плантацию, названную Лигурией, тогда как имя Королевский двор возбуждало в них симпатию. Правда, мысль эта не принадлежала Маргариту, названия плантаций подсказал ему все тот же Кастанеда. Он исподтишка посмеивался над смущением Маркены, которому при сообщении названия его имения стало ясно, что соотечественники его относятся к нему с ненавистью. Но плантатор Кастанеда знал, что делал. Плантации не должны были процветать, Лигурия должна погибнуть, а у ее устроителя Маркены надо отбить охоту ходить за скотом и рыть корни. Что касается до Королевского двора, то он был не так поставлен, чтобы процветать. Сам Кастанеда мало заботился о хозяйстве.

Он не собирался устраивать опытные поля, туземцы должны были обрабатывать поля, как умеют, и отсылать добытые произведения в форт. Но для того чтобы индейцы-рабочие держали себя в порядке, Кастанеда назначил особых надзирателей.

К тому времени, когда испанцы явились на Антильские острова, там среди индейских племен происходило большое движение. С американского материка на маленькие острова нахлынул разбойничий народ, дикие караибы-людоеды. Их военные лодки, или пироги, были очень узки, но зато длина их была тринадцать-четырнадцать метров, так что в них легко помещалось до пятидесяти человек. При благоприятном ветре караибы плавали на хлопчатобумажных парусах, а в противном случае – на веслах, опуская их в такт движениям одного танцующего дикаря. Коренные обитатели Антильских островов, которых испанцы называли париями, были мирные люди, людоедство им было неизвестно, оружием их в борьбе было только копье, и они питались не столько охотой, сколько скудными произведениями своих полей и рыбной ловлей. Напротив, караибы употребляли луки и стрелы, жили на материке почти исключительно охотой и отличались диким, свирепым нравом. Когда караибы явились на маленькие острова, они отнеслись без всякого сострадания к добродушным туземцам, пользуясь превосходством своих сил, они убивали мужчин, съедали детей, а женщин уводили в неволю. Эти свирепые людоеды внушали к себе повсюду страх. Когда Колумб открыл Новый Свет, они населяли только часть Эспаньолы.

В Изабелле было несколько караибских невольников. Кастанеда взял их с собой в свою усадьбу и сделал надзирателями над возделывавшими поля индейцами, в то же время караибы составили его лейб-гвардию и сделались притеснителями индейцев. Вождем этого отряда караибов был Каллинаго, ловкий негодяй, втершийся в доверие к своему белому господину.

Он составлял полную противоположность краснокожему управителю Лигурии, молодому Энрико, как называл его Маркена. В сердце юного Энрико пустила крепкие корни любовь к господину, вызванная его добротой.

Разница в обращении с индейцами в Лигурии и на Королевском дворе бросалась в глаза. В первой царствовали спокойствие и порядок, во второй – побои и пытки, тут рабочее население оставалось верным своему господину, там ежеминутно редели ряды рабочих от побегов.

Однажды вечером Энрико стоял у живой изгороди кустов кассавы и выбирал корни для приготовления муки. Он покончил со своей работой, когда уже наступили сумерки, и пошел по саванне, чтобы на досуге взглянуть на скот.

Вдруг что-то зашуршало в траве. Ему показалось, что то были осторожные шаги человека. Энрико остановился. Из высокой травы вышла индеанка, робко осматриваясь по сторонам. Энрико вздрогнул.

– Что тебе здесь нужно, Ара? – спросил он, узнав в девушке одну из недавно приведенных с гор работниц.

– Спаси меня! – умоляющим голосом сказала она, падая перед ним на колени.

– Что тебе угрожает? – спросил он, глядя на тихую саванну.

– Каллинаго мучает меня! Я ненавижу его, он хочет погубить меня.

Энрико покачал головой.

– Я не могу тебе помочь! – печально ответил он. – Ты должна бежать в горы. Здесь тебя найдут и угонят дальше. Пойдем, сядем на траву и подождем, пока наступит ночь, а потом я тебе покажу дорогу.

– Куда? – с горечью спросила девушка. – Разве ты не знаешь, что наша деревня выжжена. О, эти караибы, которых привел сюда белый, распорядились по-своему, они жгли и убивали! У меня нет более родины! Только ты можешь спасти меня! – вскричала она и крепко прижалась к молодому человеку.

– Я? – медленно произнес он с горьким смехом. – Как могу я избавить тебя от Каллинаго и Кастанеды!.. Впрочем, погоди! – вскричал он радостно и, взяв девушку за руку, направился к дому Маркены.

Взошла луна, бросая серебристый свет на широкую, как море, саванну, на горы, вырисовывающиеся во мраке своими темными очертаниями, и на бедных индейцев, которые с бьющимся сердцем шли к веранде.

Маркена сидел погруженный в свои мысли. Он был один, Кастанеды в этот день не было у него, он ушел в форт. В душе Маркены происходила борьба. Он тяготился этим соседством караибов и их хозяином, мнимым любителем полевого хозяйства.

Кроме того, это соседство деморализовало его слуг и грозило уничтожить все плоды его тяжелого труда. По ту сторону невысокого гребня гор Маркена отыскал прекрасную плодородную долину. Доступ в нее был немножко труден, но зато там, вдали от злых людей, он мог жить, как в раю, тихо и спокойно.

Что, если он теперь скажет, что земля саванны недостаточно плодородна и он хочет ее оставить? Что было бы, если бы он разрушил хижины и переселился из Королевской области. Правда, он должен будет там начинать все сызнова, но туда, в отдаленную долину, за ним последовали бы только одни верные рабочие. И чем больше он думал об этом, тем более увлеклся этой мыслью.

Но может ли он быть уверен, что за ним не последует никто. Ведь сосед его Кастанеда последовал же за ним и поселился в этом уголке Королевской области, хотя не имел ни малейшей склонности к жизни плантатора. Уж не узнал ли Кастанеда его тайну? О кресте на карте был уже раз между ними разговор, но ведь о золотых рудниках не было сказано ни слова.

Тайна его была спрятана в сундуке. Положим, Кастанеда оставался здесь несколько часов один, когда приехал с Хойедой, но сундук был заперт и Маркен нашел в нем все в порядке, когда после отъезда гостей осмотрел свое помещение.

Но теперь он уже не мог избежать того, чтобы какой-нибудь сосед не зашел к нему в его отсутствие и не стал бы рыться в его вещах. Хорошо, что он переставил крест на карте и

спрятал собранное золото в другое место. Оно хранилось в лесу в дупле до поры до времени в ожидании того, для кого предназначено.

Маркена не ошибался, заподозрив, что Кастанеда поселился здесь только затем, чтобы наблюдать за ним. Он действительно следил за каждым его шагом, во время его прогулок в горах перед Маркеной нередко неожиданно вырастала фигура Кастанеды или его доверенного караиба Каллиаго. Встречи эти были всегда случайны, как они говорили, но Маркена думал иначе. Перестанет ли Кастанеда следить за ним, если он переменит местожительство или он будет следовать за ним как тень?

Эти мысли волновали Маркена, когда при свете луны он увидел идущих к дому Энрико и Ару.

Приблизившись, девушка бросилась перед ним на колени и подняла руки, как бы умоляя о помощи.

– Энрико, что это значит? – спросил он с изумлением. – Кто эта девушка? Откуда пришла она?

– О господин, она бежала от Каллиаго и просит тебя защитить и спасти ее!

Маркена нахмурил брови. Значит, это невольница Кастанеды, бежавшая в Лигурию искать защиты. Энрико и девушка преувеличивали его власть. Скорее его невольник мог искать защиты в Королевском дворе, потому что в случае спора Маргарит всегда стал бы на сторону Кастанеды. Но Маркена не хотел лишать их всякой надежды, не узнав причины бегства Ары.

То была длинная и печальная история: нападение, пожар, похищение людей и ужасные притеснения. Маркена был тронут и с участием смотрел на своего слугу, который горячо просил за девушку. Печальное лицо его осветилось улыбкой.

– Ты, Энрико, слишком горячо просишь за чужую рабыню, – сказал он. – Я знаю только одно средство для ее спасения. Хочешь взять ее себе в жены?

Краснокожий слуга оставался безмолвным. При слабом свете месяца нельзя было узнать, выражало ли лицо его радость или удивление, но Ара бросилась к ногам Маркены и, обняв его колени, горячо благодарила его.

– Если ты согласен, Энрико, – сказал Маркена, – то веди Ару в одну из хижин, и пусть она останется там до тех пор, пока я не позову ее. Завтра я поговорю с ее господином.

Энрико и Ара ушли. Они были счастливы. Как будто с неба упало на них это счастье, но тот, который дал им его, печально ушел в свою спальню. Он еще не знал, удастся ли ему умиловить Кастанеду. Правда, он надеялся ценой золота купить свободу бедной Аре, но ему предстояло торговаться, потому что Кастанеда был жаден от природы и становился еще жаднее при виде блестящего металла.

На следующее утро Маркена собрался в неприятный путь в соседнюю усадьбу, но не успел он дойти до своей изгороди, как услышал лай собаки. Маркена знал, что это означало, – то был лай испанской кровяной собаки, выслеживавшей на охоте свою жертву.

– Значит, мне не надо идти к нему, – пробормотал он. – У этого Бецерилло отличное чутье. Кастанеда скоро сам будет здесь.

Он взглянул на саванну, откуда доносился лай. В высокой траве, среди цветов, по временам мелькали человеческие головы, по соломенной шляпе Маркена тотчас узнал Кастанеду, перед ним бежал Каллиаго и два других караиба с луками и стрелами в руках. Кастанеда тотчас заметил соседа. Оставив собаку своим караибам, он сам подошел к кустарнику, у которого стоял Маркена.

– Здравствуй, Кастанеда, – приветствовал его Маркена. – Так рано уже за работой?

– Да что! От нас сбежала дикая серна, полюбившаяся моему Каллиаго. Я же только что вернулся с собакой из форта.

– А что нового? – спросил Маркена, как бы вовсе не интересуясь этой охотой за невольницей.

– Что там нового? – повторил Кастанеда. – Да ничего хорошего, любезный сосед. Здесь, в Чибо, золото только на поверхности. Промывка дает все меньше и меньше золотого песку, а больших пластинок и совсем уже не встречается. Теперь там работают уже около тысячи индейцев, а золота добывается вчетверо меньше прежнего.

– В таком случае форт, вероятно, скоро покинут? – спросил Маркена.

– Нет, Маргарит намерен увеличить число рабочих-индейцев. С тех пор как схватили Каонабо, они смирились. Маргарит говорит, что не покинет Чибо до тех пор, пока не добудет из него последнего зернышка золота!

Он взглянул на саванну.

– Однако эта Ара, как бешеная, кружилась тут! Посмотри, какие повороты делает собака. Но вот теперь она бежит прямо к нам.

– Ара, говоришь ты? – спросил с притворным изумлением Маркена. – Ты ищешь свою невольницу, Кастанеда? Прекрати охоту. Я хотел идти к тебе, чтобы поговорить об Аре. Она, так сказать, из любви дала тягу. Между Лигурией и Королевским двором разыгрывается романтическая история с похищением, и мы можем ее уладить.

Кастанеда взглянул на Маркена.

– Э! Значит, ты знаешь, где она?

– Да, она у меня.

В эту минуту из травы выскочил Бецерилло и, пробежав по краю саванны до того места, где стояли соседи, остановился, сбитый с пути множеством других следов.

– Bravo, Бецерилло! – воскликнул Кастанеда. – Ты и на этот раз прекрасно исполнил свое дело. Но в Лигурии не гоняются за индийским отродьем и потому довольно, Бецерилло. Не ищи донну Ару.

Он засмеялся своей шутке и сказал подбежавшим караибам:

– Ступай домой, Каллинаго. Я нашел Ару, она находится у моего друга. Возьми с собой собаку.

Каллинаго продолжал стоять.

– Взгляни на этого людоеда, – засмеялся Кастанеда, – он не хочет уйти без рабыни. Иди же, – приказал он, – она здесь, ты оглох, что ли?

Кастанеда поднял палку. Только тогда караиб взял за ошейник собаку и, бросая кругом яростные взгляды, направился в Королевский двор.

– Ну-с, Маркена, – начал Кастанеда, – мы теперь одни. Я сгораю от нетерпения услышать роман, разыгравшийся в Лигурии.

Маркена дружески взял Кастанеду под руку и пошел с ним к дому. По пути он рассказал ему, как при лунном свете Энрико и Ара упали перед ним на колени. При этом он старался придать всей этой истории комическую окраску. Кастанеда шел молча, по временам бросая на него пытливые взгляды.

– Надеюсь, ты даешь свое согласие? – спросил Маркена.

Они были уже на веранде, и через открытое окно спальни взгляд Кастанеды случайно упал на знакомый ему сундук. Он молча сел на скамью, и в воображении его развернулась карта, которую ему не удалось рассмотреть подробнее. Перед глазами его все еще сверкали золотые штуфы в палец толщиной, которые он дрожащими руками должен был тогда снова положить на место.

Кастанеда посмотрел на саванну, и взгляд его остановился на Черных горах. Ему казалось, что теперь именно настала удобная минута приподнять завесу, скрывавшую тайну. У Маркены мягкое сердце и, может быть, теперь именно ему удастся выпытать что-нибудь у этого скрытного юноши.

– Ты не отвечаешь, Кастанеда? – снова спросил Маркена. – Неужели тебе так тяжело сделать мне это маленькое одолжение?

– Разве я сделаю тебе этим одолжение? – возразил Кастанеда. – Собственно говоря, ведь этим исполнится только желание твоего Энрико, а мой Каллинаго останется ни при чем. Ты тут около себя будешь видеть веселые лица, а мой старший караиб будет ворчать. Заметь, ведь он людоед!

– Можно примирить его чем-нибудь, – заметил Маркена.

– О, вероятно! Быть может, тебе удастся укротить его какими-нибудь старыми черепицами, но не забудь, что Ара моя невольница.

– Разве у тебя мало невольниц?

– Ты не хочешь меня понять, Маркена. Тебе ведь известно положение дел на Эспаньоле. С древнейших времен мужчины проводили здесь жизнь в бездействии, сваливая все тяжелые работы на женщин. Здешние мужчины неспособны ни рыть песок, ни промывать золото, тогда как женщины работают за десятерых. Это хорошо знают на россыпях. К сожалению, женщины в этой теплой сырой стране скоро стареют, и потому молодые сильные работницы очень ценятся. Подумай же: такая здоровая девушка, как Ара, представляет целый капитал. Она понятлива, ловка, проворна. Поставь ее промывать золото, и она каждый день будет приносить тебе кучу золота, потому что у нее сильные руки, гибкие пальцы и зоркие глаза. Таких работниц ценят в Чибоа. Я говорил уже о ней с Маргаритом. У Маргарита много золота, и он с радостью купит не только Ару, но двадцать таких работниц.

Маркена опустил глаза, легкая краска покрыла его лицо, но он старался овладеть собою. «И это говорит испанец, христианин!» – думал он, подавляя в себе чувство негодования.

– Видишь, любезный друг и сосед, – продолжал Кастанеда, – ты должен посмотреть на это дело с другой стороны. Ты не сердись на меня, но я думаю, что ты заботишься не об одних только интересах Энрико. Будем откровенны. Земледелие у меня ведется по индейскому способу, у тебя же устроено образцовое сельское хозяйство, и твой Энрико превосходный управляющий, недостает только ключницы для двора. Ну-с, жена Энрико как нельзя лучше для этого будет пригодна. Значит, любезный друг, эта женитьба для тебя выгодна. На наше дело нужно смотреть, как на торговую сделку.

Маркена закусил губы. Он не предполагал, что ему придется барышничать людьми. Кастанеда, однако, высказался совершенно определенно, тут обнаружили вся грубость и низость его характера. Маркена преодолел свое отвращение и решился торговаться. Он не хотел покупать Ару как невольницу, а только выкупить несчастную.

– Ты хочешь продать Ару, Кастанеда? – сказал он.

– На выгодных условиях, да!

– Сколько же ты просишь за нее?

– Гм, надо сообразоваться с ценами в Чибоа.

– Хорошо. Ты знаешь мой дом, Кастанеда, знаешь не хуже меня, что у меня есть одежда, обувь, кастильские инструменты. Выбирай, что хочешь.

– Ты неподражаем, Маркена! Ты предлагаешь мне величайшие сокровища на Эспаньоле, с которыми кастилец решается расстаться только ввиду голодной смерти. Но я не хочу, чтобы говорили, что я пустил тебя по миру из-за какой-нибудь индеанки, нет! Возврати ее мне. Я сегодня же пришлю за ней Каллинаго.

– Ведь ты только что говорил, что намерен продать Ару Маргариту? Не все ли равно, ему ли ты продаешь ее или мне?

– Ба! Конечно, не все равно. Ты мне предлагаешь за нее кафтаны и сапоги, а Маргарит отвесит за нее кучку золота!

– О, если только в этом состоит затруднение!.. – сказал Маркена.

Кастанеда вскочил и схватил Маркена за руку.

– Да, друг мой! Только в этом. Тебе Ара – мне золото. В противном случае я пришлю за ней Каллинаго. – Он крепче стиснул руку Маркены и, наклоняясь к его уху, шепотом спросил: – Маркена, значит, у тебя есть золото?

Шепот Кастанеды мучил Маркена, как шипение ядовитой змеи. Он высвободился из рук жадного соседа.

– Ты слишком крепко жмешь мне руку, Кастанеда, – сказал он в виде извинения и, отбросив волосы со лба, на котором выступили крупные капли пота, спросил: – Сколько же ты хочешь за нее?

Кастанеда приложил палец ко лбу.

– Дай мне подумать! – сказал он.

И он задумался. Сколько же ему потребовать? Надо получить большую золотую штуфу, чтобы принудить Маркена сознаться, что он нашел золотые рудники. В голове его блеснула счастливая мысль.

– Я только что воротился с золотых россыпей, – сказал он, – у меня с собой весы, и мы тотчас можем покончить нашу сделку? – С этими словами он вынул из кармана небольшой кошелек, наполненный золотом. – Вот, – продолжал он, – видишь это? Столько платят в Чибоа за такую невольницу, как Ара! Взвесь кошелек в руке. Можешь ли ты заплатить столько?

Маркена взял кошелек он был легок.

– Я думаю, что могу, Кастанеда.

– В таком случае носи золото, Маркена. Вот и весы. Мы взвесим золото, и, если его будет достаточно, – Ара твоя!

Маркена вошел в дом. С любопытством стал заглядывать Кастанеда в спальню, ожидая, что там появится Маркена, откроет заветный сундук и вынет из него свои сокровища. Наконец-то этот скрытный юноша попался и вынужден будет выдать свою тайну!

Но проходили минуты, а Маркена в спальне не появлялся.

«Он не хочет выдать себя! – пробормотал Кастанеда. – Он обдумывает, но поздно, мой птенчик, ты уже не вывернешься из моих рук».

Между тем Маркена вернулся с кожаным кошельком в руках.

«Ого, – подумал Кастанеда, – у него, значит, есть где-то и другой тайник».

Его глаза жадно впились в кошелек, и он не замечал, что Маркена пристально наблюдает за ним.

– Вот золото, – сказал Маркена, подавая кошель. – Думаю, что его будет достаточно!

С лихорадочной поспешностью протянул Кастанеда руку и схватил кошелек. Пальцы его впились в кошелек и стали сильно сдавливать его. Он ожидал найти твердые куски, а содержащее везде уступало давлению. На лице его изобразилось удивление.

Маркена смотрел на него с отвращением. Этот черноволосый человек маленького роста напоминал ему хищную птицу, набросившуюся на добычу.

Тем временем Кастанеда открыл мешочек и заглянул в него. На лице его выразилось безграничное разочарование, он рылся пальцами в золоте и как будто искал в нем чего-то. С губ его сорвалось едва слышное проклятие. В кошельке не было горной золотой руды. В нем лежал такой же золотой песок, какой он добывал на россыпях.

– Это золото, Кастанеда, чистое золото! – заговорил Маркена, и в голосе его зазвенели резкие ноты. – Неужели ты проклинаешь тот металл, из-за которого прибыл на Эспаньола?

Кастанеда овладел собой.

– Ха, ха, ха! – засмеялся он. – Хорошее золото, Маркена. Но ты меня перехитрил. Я не считал тебя таким богатым. Тебя почти никогда не было видно на россыпях в Чибоа.

– Мне посчастливилось, Кастанеда, я нашел богатую золотоносную жилу. Впрочем, ты можешь справиться у Маргарита, представил ли я свою законную третью долю. Но чем же я перехитрил тебя, сосед?

– Я не хотел продавать тебе Ару и назначил цену, которой, как мне казалось, ты не сможешь заплатить. А ты между тем богат, ты настоящий Крез.

– Ты только взвесь песок, Кастанеда, и увидишь, что мне немного останется.

Кастанеда взвесил золото, пересыпал его в своей кошелек и сказал:

– Итак, Ара твоя. Счастливцев, Маркена!

Он ушел.

– Этот юноша хитрый малый! – пробормотал он, остановившись в саванне. – Но теперь Лигурия нажила себе смертельного врага в лице Каллинаго. Я заставлю его ходить по твоим пятам, Маркена, и мы посмотрим, не откроет ли он твоей тайны!

Кастанеда двинулся дальше и вскоре дошел до своей запущенной усадьбы.

– Где Ара? – спросил его караиб.

– Ара? – повторил Кастанеда. – Она у моего друга и будет женой Энрико.

Караиб вскочил как ужаленный.

– Успокойся, – заметил Кастанеда, – я дам тебе возможность вернуть ее. – Он вынул из кармана кошелек. – Видишь ты это золото? Когда ты достанешь мне вдвое больше, Маркена должен будет возратить мне Ару. У него много золота, найденного, должно быть, в этих горах. Энрико и Маркена знают, где оно находится. И вот если тебе так любя Ара, то иди в горы и ищи там золотые рудники. Энрико знает их, он может себе купить даже такую жену, как Ара!

И, не обращая больше на караиба внимания, он вошел в дом и высыпал золото к прежним сокровищам.

«Как оно медленно прибавляется, – думал он, роясь в сундуке. – Если все это сплавить, то получится небольшой кусок. Из-за этого не стоило отваживаться на такое далекое путешествие. Маркена счастливцев! Он здесь нашел золотую руду! И молчит как могила. Ни малейшего намека, а золото и карта между тем исчезли из сундука... У него, значит, есть другие потаенные места, где он прячет свои сокровища, в сундуке я не видел этого мешочка с золотом!

Стыдись, Кастанеда, – говорил он самому себе, – в Испании ты справлялся с любым замком и в самых обширных палатах умел найти потайные ящики, а здесь не можешь отыскать тайников в жалкой усадьбе.

Правда, – размышлял он дальше, – он постоянно мешает мне, я не могу, не смею оставить нигде малейшего следа своих розысков. А сколько кусков золота он уже, вероятно, прибавил к первым трем? Можно бы обвинить его, что он не отдает третьей части в казну, но какая мне от того будет польза? Вся ватага из Чибоа нагрянет сюда... и разделит между собой добычу. А для чего делить? Я не люблю таких дележей. Вот если бы мне можно было без помехи, как следует перерыть, перешарить весь дом: найти карту и найти место того загадочного крестика! Гм... тогда, тогда, конечно, я скоро бы достиг цели. Но тогда Маркена должен будет внезапно исчезнуть... в какой-нибудь пропасти! Это не трудно, но возбудит подозрение в Маргарите, и хотя он также ненавидит этого мальчишку, но золото он очень любит и, наверное, станет разведывать о золоте. Нет, этого делать не следует».

Тем временем, пока Кастанеда составлял свои низкие планы, слуга его, Каллинаго, сидел перед домом и также размышлял о чем-то. Глаза его с ненавистью обращались в сторону Лигурии. Там теперь находилась Ара – будущая жена ненавистного Энрико. Но разве она не его рабыня? Разве не он ее добыл?

Караиб размышлял недолго, он быстро решил на что-то, дьявольская улыбка скользнула по его губам, и, взяв лук и стрелы, он скоро исчез в темном лесу.

В это время Маркена оставил свою усадьбу и направился в горы, за ним следовал счастливый Энрико. Им предстоял долгий и тяжелый путь. Маркена намеревался посетить прекрасную долину, чтобы в ней приискать удобное для поселения место. Мысль о выселении из Королевской области занимала его сегодня еще более, чем вчера.

Маркена предполагал купить всю долину. Правительство в Изабелле продавало земли за бесценок, и настолько-то Кастанеда еще оставил ему золотого песку. Там, в этой мирной долине, он хотел ожидать возвращения Колумба и затем указать ему богатые золотые рудники для эксплуатации в пользу его и короля. Он не хотел допустить к расхищению сокровищ жадных золотоискателей Чибоа и Изабеллы. Но отчего он не открыл своей тайны брату адмирала, наместнику Диего Колону? О, Маркена знал, что последний только слабой рукой удерживал бразды правления.

Реквизиция

Недели через две Маркена собирался в долгое путешествие в Изабеллу. Кастанеде он пока еще ничего не говорил о своем плане. Однако поездка откладывалась со дня на день. Приближалась первая жатва пшеницы, и Маркене хотелось свезти в Изабеллу первый уродившийся на Эспаньоле хлеб. Этому, однако, не суждено было сбыться. Маркена счастливо сжал свою пшеницу, но в Лигурии не было тока и потому ее не молотили, а индеанки вынимали драгоценный плод из колосьев по зернышку. И теперь три корзины средней величины стояли готовые для отправки в Изабеллу.

Между тем в один прекрасный день ранним утром в саванне послышались конский топот и лай собак, прерываемый дребезжащими звуками боевой трубы. Изумленный Маркена выбежал на веранду посмотреть, какие гости жалуют к нему? Уж не вернулся ли адмирал?

Толпа всадников быстро приближалась, они остановились против его огорода, и Маркена узнал в предводителе Маргарита. Маркена не ожидал от этого посещения ничего хорошего, потому что Маргарит никогда не благоволил к нему и полусхутя-полусерьезно называл его «маленьким бунтовщиком».

– С добрым утром, любезный арендатор, – ответил он на приветствие Маркены. – Вот, я лично явился освидетельствовать состояние Королевской области. Нам доставляют только индейские бураки да корни кассавы, с промывкой которых нам же еще приходится возиться. Мы голодаем, потому что в Изабелле нет более мяса. Не есть же нам змей да ящериц, а лесная дичь дается с трудом. Вот мы и вспомнили о быках в Лигурии и хотим убедиться, стали ли они жирнее. Веди нас на скотный двор, Маркена?

Маркена должен был повиноваться. Маргарит привел с собой солдат, лица которых слишком ясно говорили, что они не расположены уйти с пустыми руками.

– Добро пожаловать, Маргарит! – сказал, подходя, Кастанеда. – Вы кстати явились в Лигурию!

– Как так? – спросил Маргарит.

– Ну, что вы все ослепли, что ли, там в Чибоа? Посмотрите на то поле у опушки леса: это ведь сжатое поле; Маркена нажал пшеницы.

Маргарит усмехнулся, сказав:

– И об этом мы слышали и снабдим транспорт пшеницы надежным конвоем. Если я не ошибаюсь, здесь предстоит даже маленький сбор винограда? Бочек у нас в Чибоа много, но они все пусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.